801-15
2887

Ѳ. А. Витбергъ.

ПЕРВЫЯ БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин. № 12.
1900.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюнь 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. V (1900 г.), кн. 1-ой, стран. 204—259.

58388-0

2011111329

Первыя басни И. А. Крылова.

Второго февраля 1838 года съ небывалой до тѣхъ поръ торжественностью отпраздновано было, съ Высочайшаго соизволенія, пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Крылова. Его чествовали тогда исключительно какъ *баснописца*: ни о его журнальной дѣятельности, ни о драматическихъ сочиненіяхъ никто не вспоминалъ.

Это бросилось въ глаза самому Крылову, и онъ говорилъ на другой день юбилея: «Не думалъ и не гадалъ, когда написалъ первыя мои басни, чтобъ онѣ повели меня такъ высоко»[1]).

Между тѣмъ, извѣстность Крылова, какъ баснописца, относится ко второй половинѣ его литературной дѣятельности. Въ первой же ея половинѣ онъ является передъ нами какъ драматургъ, журналистъ и сатирикъ. Извѣстный гр. Д. И. Хвостовъ, призналъ даже Крылова настоящимъ драматургомъ и убѣждалъ его продолжать изобличать въ комедіяхъ пороки современнаго общества. Въ посвященномъ Крылову стихотвореніи онъ говорилъ:

«Для дочекъ написавъ уроки,
«Крыловъ, ты послѣ замолчалъ;
«И свѣта моднаго пороки
«Перомъ своимъ не обличалъ.

1) Булгаринъ: «Воспоминанія объ И. А. Крыловѣ». Сѣв. Пчела, 1845, № 9, стр. 35.

«Пусть наши милые соземцы
«Русалкой [1]) тѣшатся, какъ Нѣмцы;
«Хохочутъ, сидя по скамьямъ,
«Когда гурьбой медвѣди скачутъ;
«Однако, волю давъ сердцамъ,
«Въ Эдипѣ [2]) зрители всѣ плачутъ.
«Возьми личину и перо,
«Какъ началъ, поучай остро.
«Ступай въ Сызрань и дальше Вятки,
«Нигдѣ иноплеменныхъ дядьки
«Не смѣютъ, брося лошадей,
«Боярскихъ обучать дѣтей.
«Когда всѣ Вральманы исчезли,
«Тѣмъ насъ Фонъ-Визинъ одолжилъ:
«Коль Музы храмъ кому отверзли,
«Не тщетно тотъ на свѣтѣ жилъ.
«Скажи, почто не украшаться,
«Дарами щедрыми небесъ?
«Почто тебѣ не покушаться
«Безпутныхъ осрамить повѣсъ?
«Дерзай во слѣдъ за Моліеромъ,
«Иль будь въ Россіи самъ примѣромъ
«Пріятной слога чистотой,
«Разумныхъ шутокъ остротой,
«Хитро-сплетенною завязкой;
«Смотри, чтобъ не казались сказкой
«Поступки лицъ и разговоръ;
«Но умъ обворожа и взоръ,
«Заставь, чрезъ сладкіе уроки,
«Увидѣть наши въ нихъ пороки» [3]).

---

1) Здѣсь рѣчь идетъ о комической оперѣ «Русалка», передѣланной Краснопольскимъ изъ нѣмецкой пьесы «Das Donauweibchen». Поставленная на сцену въ первый разъ въ 1803 г., она, несмотря на нелѣпость содержанія, сдѣлалась надолго любимой пьесой петербургской публики и давалась черезъ день. Многія аріи изъ нея распѣвались въ гостиныхъ. (Я. К. Гротъ. Жизнь Державина, стр. 877—878. См. также: М. А. Дмитріева, «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 51—52).

2) Трагедія В. А. Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ», поставленная на сцену въ 1804 г.

3) Полное собр. стихотвор. гр. Хвостова (Спб. 1817, ч. II, стр. 46—51).

И не одинъ гр. Хвостовъ расположенъ былъ видѣть въ Крыловѣ «русскаго Мольера». Въ 1832 г. Каменевъ, въ разборѣ пьесы кн. А. А. Шаховского «Двумужница», вспоминалъ объ операѣ Крылова «Илья Богатырь», «умномъ произведеніи писателя, который былъ бы русскимъ *Мольеромъ*, еслибъ не былъ *Лафонтеномъ*» [1]). При его жизни однако ни самъ онъ, ни современники его почти не вспоминали объ его ранней литературной дѣятельности. Знаменитыя басни затмили всѣ его предшествовавшіе литературные труды.

Въ концѣ концовъ Крыловъ, какъ драматургъ, журналистъ и сатирикъ, и Крыловъ, какъ баснописецъ, такъ рѣзко различались въ представленіи современниковъ, что одинъ изъ нихъ сказалъ: «Литературная жизнь Крылова представляетъ рѣдкое явленіе. Она дѣлится, широкимъ промежуткомъ, на два неравные періода. Въ первомъ видимъ умнаго писателя, ничѣмъ не возвышавшагося, ни талантомъ, ни слогомъ, надъ своими современниками, связаннаго тяжелыми узами безвкусія, подражательности, варварскаго слога старинной эпохи; въ другомъ — оригинальнаго, геніальнаго, образованнаго поэта. Умри онъ въ одно время съ товарищемъ своимъ Клушинымъ (1804 г.), никто не догадался-бы нынѣ, что когда-либо существовалъ Крыловъ» [2]). Другой современникъ и біографъ Крылова, П. А. Плетневъ, писалъ: «По соображеніи всего, что въ жизни Крылова предшествовало 1808 году, можно сказать, что для насъ Крыловъ родился только въ сорокъ лѣтъ. Въ это время онъ созналъ свое назначеніе, устремивши всю поэтическую дѣятельность свою на одинъ родъ» (Соч. Плетнева, т. II, стр. 72).

Но когда же именно, съ какого года началась дѣятельность Крылова, какъ баснописца? Когда написаны первыя его басни? По свидѣтельству М. Лобанова, лично знавшаго Крылова, «пер-

---

1) Литер. прибавл. къ Русск. Инв. 1832, № 102, стр. 815.

2) Сѣверн. Пчела 1857 г., № 147: «Пчелка» (фельетонъ). Газетныя замѣтки Эрміона (Н. И. Греча), стр. 691.

вымъ его опытомъ въ стихахъ была басня, переведенная имъ на 14-мъ году (слѣдовательно въ 1781—82 г.) изъ Лафонтена, которую знатоки того времени, и между прочимъ И. И. Бецкой, хвалили; но время истребило ее» (Сынъ Отеч. 1847, № 1, русск. ист., стр. 4—5).

Къ сожалѣнію, должно сказать, что время истребило не только самую басню, этотъ любопытный дѣтскій опытъ Крылова въ томъ родѣ, который потомъ прославилъ его, но и самую память о такомъ раннемъ началѣ баснописной дѣятельности Крылова, которую, по установившемуся въ литературѣ мнѣнію, относятъ къ гораздо болѣе позднему времени, къ 1806-му году, когда въ январьской и февральской книжкахъ «Московскаго Зрителя» появились три его басни, считающіяся, поэтому, *первыми* его баснями.

Такъ какъ это были басни переводныя, то онѣ и помѣщены были въ отдѣлѣ: «Словесность иностранная».

Этотъ фактъ и принятъ былъ за *начало* баснописной дѣятельсти Крылова, которому въ это время было 38 лѣтъ. И никто не обратилъ вниманія на нѣкоторую странность и неловкость такого *начала* въ отдѣлѣ словесности *иностранной* для оригинальнѣйшаго и самобытнѣйшаго писателя.

Такой поздній переходъ Крылова къ тому роду, который почти тотчасъ-же признанъ былъ всѣми его настоящимъ родомъ, тогда объясняли даже, какъ психологическую необходимость. «Есть люди, которые по разсчетамъ-ли здраваго ума, или по экономіи природы, позже другихъ начинаютъ предаваться всѣмъ наслажденіямъ жизни», писалъ Орестъ Сомовъ въ своемъ разборѣ басенъ Крылова. «За то эти наслажденія долговѣчнѣе, чувства ихъ соблюдаютъ всю живость, ощущенія всю свѣжесть молодости въ такіе лѣта, когда другіе живутъ уже однимъ воспоминаніемъ. Тоже можно примѣнить и къ талантамъ, и говоря о нихъ, естественно приходитъ на мысль несравненный нашъ Крыловъ. Талантъ сего баснописца развился въ возрастѣ зрѣлаго мужества, и съ тѣхъ поръ безпрерывно шелъ отъ успѣховъ

къ успѣхамъ, отъ совершенства къ совершенствамъ. Избранный имъ родъ сочиненій весьма благопріятствовалъ сему позднему развитію: басня требуетъ поэзіи ума, т. е. отчетливости въ созданіи, обдуманности въ цѣли, правдоподобія, глубокой истины въ примѣненіяхъ и, такъ сказать, цѣлости и полноты обѣихъ частей ея — вымысла и нравственныхъ слѣдствій, изъ онаго извлекаемыхъ. — Въ лѣта, когда страсти перестаютъ мучительно тревожить насъ, въ лѣта опытности и соображенія, человѣкъ яснѣе видитъ пороки и недостатки человѣческіе, полнѣе постигаетъ ихъ и вѣрнѣе передаетъ въ своихъ поучительныхъ разсказахъ. Таковъ плѣнительный наставникъ нашъ Крыловъ: онъ чудно соединилъ въ себѣ юность поэтическаго дарованія съ пожилыми совѣтами и наставленіями разсудительной опытности; любуешься и дивишься, встрѣчая у него часто свѣжіе, трепещущіе жизнью и цвѣтущіе молодостью стихи на ряду съ поученіями ума, давно знакомаго съ жизнью и по опыту знающаго ея превратности» («Сѣверные Цвѣты» 1831, стр. 36).

Такимъ образомъ, еще въ самый разцвѣтъ баснописной дѣятельности Крылова составилось убѣжденіе въ совершившемся въ его литературной дѣятельности рѣзкомъ и окончательномъ переворотѣ, превратившемъ его изъ малоизвѣстнаго писателя въ знаменитаго баснописца. Виновникомъ такой перемѣны считаютъ, отчасти со словъ самого Крылова, извѣстнаго предшественника его на поприщѣ баснописанія, И. И. Дмитріева.

Впервые объ этомъ вліяніи Дмитріева на баснописную дѣятельность Крылова сообщила г-жа Карлгофъ въ «Звѣздочкѣ» 1844 г., а за нею повторили это и всѣ остальные біографы Крылова, лично его знавшіе (М. Лобановъ, П. А. Плетневъ, С. Н. Глинка и друг.), тотчасъ-же послѣ смерти Крылова разсказавшіе намъ все, что они знали о нашемъ знаменитомъ баснописцѣ. Съ тѣхъ поръ эти подробности о началѣ баснописной дѣятельности Крылова и той роли, какую игралъ въ этомъ И. И. Дмитріевъ, окончательно вошли въ біографію Крылова и постоянно повторяются всѣми его біографами.

Такимъ образомъ, можно признать, что въ литературѣ окончательно установились и всѣми признаны слѣдующіе два факта въ жизни и литературной дѣятельности Крылова: 1, что до 1806 года онъ не только не писалъ басенъ, но даже самъ не подозрѣвалъ въ себѣ дарованія къ этому роду поэзіи; 2, что открылъ въ немъ этотъ талантъ и великодушно направилъ его на поприще баснописца царившій до тѣхъ поръ въ области басни И. И. Дмитріевъ, послѣ прочтенія перваго опыта Крылова въ этомъ, новомъ для него родѣ.

Оба эти факта составляютъ, очевидно, двѣ стороны одного и того-же вопроса: когда началась баснописная дѣятельность Крылова?

Первый фактъ касается, внутренней стороны дѣла и переходитъ въ общій вопросъ о процессахъ поэтическаго творчества Крылова вообще; второй относится къ внѣшней сторонѣ, къ вопросу объ обстоятельствахъ, побудившихъ Крылова изъ журналиста, сатирика и драматурга превратиться и навсегда въ баснописца.

На первой, внутренней сторонѣ вопроса я остановлюсь подробно далѣе, а пока считаю необходимымъ покончить съ вопросомъ о вліяніи Дмитріева. Все, что мы знаемъ объ этомъ, сообщено, какъ мы видѣли, только сослуживцами, друзьями и современниками Крылова. Самъ онъ ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ произведеній своихъ, равно какъ и ни въ одномъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ писемъ нигдѣ, ни словомъ не упоминаетъ объ этомъ вліяніи. И. И. Дмитріевъ ни въ своихъ письмахъ, ни въ Запискахъ тоже ничего объ этомъ не говоритъ даже вовсе не упоминаетъ о началѣ знакомства своего съ Крыловымъ.

Если со стороны Крылова такое умолчаніе можно объяснить случайностью, тѣмъ, что ему просто не представилось повода разсказать объ этомъ печатно (хотя, какъ увидимъ далѣе, даже такое предположеніе сомнительно), то умолчаніе Дмитріева объ его участіи въ переходѣ Крылова къ баснѣ, а, слѣдовательно, и

къ литературной славѣ, ничѣмъ не объяснимо, если считать несомнѣннымъ, что онъ, дѣйствительно, имѣлъ въ данномъ случаѣ такое рѣшительное вліяніе на Крылова.

Извѣстно, что Дмитріевъ писалъ свои Записки уже въ послѣдніе годы своей жизни, во второй половинѣ двадцатыхъ и первой половинѣ тридцатыхъ годовъ[1]), когда слава Крылова, какъ баснописца, окончательно установилась, а его предшествовавшая литературная дѣятельность предана была и имъ самимъ и современниками полному забвенію. Конечно, странно было бы, если бы Дмитріевъ сталъ хвастаться своимъ участіемъ въ окончательномъ опредѣленіи литературнаго поприща Крылова; но онъ могъ просто разсказать объ этомъ, какъ о фактѣ.

Однако, о своемъ вліяніи на литературную дѣятельность Крылова и вообще о своемъ участіи въ ней онъ не говоритъ ни слова. И объяснить это можно только тѣмъ, что фактъ этотъ далеко не имѣлъ того рѣшающаго для Крылова значенія, какое обыкновенно ему приписываютъ.

Подтвержденіемъ этого служитъ тотъ фактъ, что и въ Запискахъ племянника И. И. Дмитріева, М. А. Дмитріева, объ этомъ тоже ничего не говорится. А между тѣмъ, племянникъ не пропускаетъ случая разсказать всякую благопріятную для дяди подробность. И самый разсказъ о приходѣ Крылова къ Дмитріеву съ баснями написанъ М. А. Дмитріевымъ въ защиту дяди отъ упрековъ въ литературной зависти. Тутъ кстати было бы разсказать, что дядя не только не завидовалъ Крылову и не соперничалъ съ нимъ, но даже прямо направилъ его на поприще баснописца, сказавъ: «это истинный вашъ родъ, наконецъ вы нашли его». Но въ Запискахъ М. А. Дмитріева ничего подобнаго нѣтъ. Онъ просто разсказываетъ самый фактъ, причемъ заканчиваетъ такими словами: «Всего замѣчательнѣе, что одна изъ этихъ басенъ была *Дубъ и Трость*, въ которой Крыловъ (пере-

1) Въ первый разъ о нихъ упоминается въ перепискѣ его съ Карамзинымъ, въ письмѣ Карамзина отъ 24 сентября 1823 г. (см. стр. 358).

ведя ее послѣ Дмитріева) именно вступилъ этимъ съ нимъ въ соперничество» («Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 117).

Такимъ образомъ, *единственной* заслугой И. И. Дмитріева племянникъ его выставляетъ то, что онъ безпристрастно призналъ достоинства своего неожиданнаго соперника, а самое замѣчательное въ его поступкѣ видитъ въ томъ, что онъ не задумался содѣйствовать напечатанію той именно басни Крылова, которою послѣдній вступалъ съ нимъ въ соперничество. Конечно, одного этого достаточно для того, чтобы признать поступокъ Дмитріева и благороднымъ и безпристрастнымъ; но насъ весь этотъ эпизодъ интересуетъ лишь тѣмъ, какъ далеко простиралось въ данномъ случаѣ вліяніе Дмитріева на литературную дѣятельность Крылова. Того, что̀ разсказалъ М. А. Дмитріевъ и что̀, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, только и происходило въ дѣйствительности, еще недостаточно для признанія за Дмитріевымъ того рѣшающаго вліянія, какое обыкновенно ему приписываютъ. Мы видѣли, что въ разсказѣ М. А. Дмитріева нѣтъ ни слова о томъ, что И. И. Дмитріевъ уговаривалъ Крылова заняться баснями, что онъ опредѣлилъ самому Крылову, что это его настоящій родъ, который онъ наконецъ нашелъ. А это *гораздо замѣчательнѣе* простой отдачи въ печать такой басни, какъ Дубъ и Трость, уже переведенной раньше Крылова самимъ Дмитріевымъ, потому что въ этихъ совѣтахъ Дмитріева Крылову именно и видятъ всю его заслугу, въ нихъ и видятъ *начало* баснописной дѣятельности Крылова, который не могъ не довѣриться сужденіямъ и совѣтамъ такого авторитетнаго для него въ данномъ случаѣ судьи: вѣдь онъ за ними собственно и пришелъ, какъ обыкновенно думаютъ.

Но объ этихъ-то совѣтахъ сами главныя дѣйствующія лица, тѣ именно, которыя лучше всѣхъ знаютъ, какъ было дѣло, и молчатъ.

Не говорится ничего о вліяніи Дмитріева на баснописную дѣятельность Крылова и въ біографіи И. И. Дмитріева, написанной кн. П. А. Вяземскимъ и приложенной къ изданію стихо-

твореній Дмитріева 1823 г. Очевидно, въ это время еще не существовало разсказа объ этомъ вліяніи. Кн. Вяземскій ограничивается только тѣмъ, что говоритъ о Крыловѣ, какъ объ одномъ изъ соперниковъ Дмитріева, «который не только послѣдовать, но, такъ сказать, бороться дерзнулъ съ нашимъ поэтомъ, перерабатывая басни, уже имъ переведенныя, и басни превосходныя, и мы благодарны ему за его смѣлость» (стр. XL). А далѣе замѣчаетъ: «Но г. Крыловъ, съ искренностью и праводушіемъ возвышеннаго дарованія, безъ сомнѣнія сознается, *что если не взялъ онъ предмѣстника за образецъ себѣ*, то по крайней мѣрѣ имѣлъ въ немъ примѣръ поучительный и путеводителя, угладившаго ему стезю къ успѣхамъ. *Если и не ступать по слѣдамъ пробитымъ*, то все легче итти по дорогѣ, на коей уже значатся слѣды. Г. Крыловъ нашелъ языкъ выработанный, многія формы его готовыя, стихосложеніе — хотя и нынѣ у насъ еще довольно упорное, но уже сколько-нибудь смягченное опытами силы и мастерства» (стр. XL—XLI).

При этомъ сопоставленіи обоихъ баснописцевъ именно кстати было бы указать, что счастливый соперникъ Дмитріева обязанъ ему не только тѣмъ, что получилъ отъ него готовыя, выработанныя формы, но и тѣмъ, что былъ направленъ имъ на тотъ путь, на которомъ его ожидалъ такой успѣхъ. Но кн. Вяземскій ничего этого не сказалъ и даже отвергъ мысль о подражаніи Дмитріеву со стороны Крылова. Очевидно, въ 1823 году о руководящемъ значеніи Дмитріева въ баснописной дѣятельности Крылова рѣчи еще не было: она начинается только послѣ статьи г-жи Карлгофъ, т. е. съ 1844 г.

Такое умолчаніе объ этомъ и Крылова, и обоихъ Дмитріевыхъ, и перваго біографа И. И. Дмитріева, кн. П. А. Вяземскаго, не можетъ не возбудить вопроса: такъ-ли все это было? Не преувеличена-ли въ этомъ дѣлѣ роль Дмитріева восторженными поклонниками обоихъ баснописцевъ?

Остановиться на этихъ вопросахъ тѣмъ болѣе умѣстно, что обращеніе Крылова къ Дмитріеву было, по всей вѣроятности,

единичнымъ фактомъ и не установило никакой между ними связи, даже не повело, повидимому, къ продолженію знакомства. По крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ никакихъ указаній о томъ, установились-ли какія нибудь сношенія Крылова съ Дмитріевымъ послѣ свиданія ихъ въ Москвѣ въ 1806 году? Если это свиданіе имѣло тотъ именно смыслъ, какой ему обыкновенно придаютъ, т. е.,— что Крыловъ явился къ Дмитріеву какъ къ авторитету, мнѣніе котораго должно было имѣть для него рѣшающее значеніе, то ограничиться *однимъ* посѣщеніемъ и, получивъ отъ Дмитріева одобреніе, *сразу* перейти къ *новому* (какъ до сихъ поръ думаютъ) роду поэзіи только потому, что такъ рѣшилъ Дмитріевъ, Крыловъ, очевидно, не могъ. Если онъ такъ твердо вѣровалъ въ авторитетъ Дмитріева, какъ баснописца, что отдалъ на его судъ и рѣшеніе свои басни, то вполнѣ естественно было-бы съ его стороны воспользоваться безпристрастіемъ и благосклонностью Дмитріева и искать его руководства и совѣтовъ и далѣе, особенно въ виду того, что басня была, какъ до сихъ поръ думаютъ, совершенно новымъ и неожиданнымъ для самого Крылова родомъ поэзіи. А тогда, конечно, установились бы между ними и сношенія, сначала письменныя, пока оба жили въ разныхъ городахъ — Дмитріевъ въ Москвѣ, а Крыловъ въ Петербургѣ, а потомъ, по переѣздѣ Дмитріева въ Петербургъ, и личныя. Но въ такомъ случаѣ объ этихъ сношеніяхъ сохранились бы какія-нибудь свѣдѣнія. Вполнѣ естественно заключить, что, такъ какъ никакихъ свѣдѣній объ этихъ сношеніяхъ нѣтъ, то ихъ и не было: Крыловъ былъ у Дмитріева всего только одинъ разъ, въ Москвѣ, въ 1806 году [1]).

Но тогда возникаетъ вопросъ: неужели онъ въ самомъ дѣлѣ приходилъ къ Дмитріеву за рѣшеніемъ вопроса о достоинствѣ

1) Все, что можно допустить, на основаніи имѣющихся въ печати свѣдѣній, это — случайныя встрѣчи обоихъ баснописцевъ въ обществѣ. Объ одной изъ такихъ встрѣчъ разсказывается въ Сѣв. Пчелѣ 1857 г. (№ 147): «Однажды въ большомъ обществѣ дама заставила Крылова, въ присутствіи Дмитріева, прочесть новую басню. Иванъ Ивановичъ, выслушавъ ее, сказалъ съ своею умною, значительною улыбкой: «Злодѣй! И сердиться на него нельзя».

переведенныхъ имъ басенъ? И неужели онъ въ 38 лѣтъ такъ мало понималъ себя и такъ мало смыслилъ въ литературныхъ вопросахъ, что сразу подчинился мнѣнію Дмитріева и сразу *по его только совѣту*, послушно оставилъ всякую другую литературную дѣятельность и сталъ писать басни? Допустить этого невозможно, потому что это противорѣчитъ и простому здравому смыслу и независимому, во многомъ даже своеобразному характеру Крылова. Поэтому, приходится искать другихъ побужденій у Крылова для посѣщенія имъ Дмитріева. Очевидно, онъ приходилъ къ нему не столько для того, чтобы отдать на его судъ свои переводныя басни и ждать отъ него рѣшенія о томъ, есть-ли у него талантъ къ этому роду поэзіи, сколько по другимъ причинамъ.

Дѣло въ томъ, что въ литературной дѣятельности Крылова былъ большой промежутокъ времени, съ 1795 по 1806 г., когда онъ совсѣмъ исчезаетъ съ литературнаго поприща; по крайней мѣрѣ за этотъ десятилѣтній промежутокъ времени намъ не извѣстно ни одного его печатнаго произведенія. Самъ онъ сначала (съ 1795 по 1801 г.) совсѣмъ пропадаетъ изъ глазъ своихъ біографовъ, которые не могутъ рѣшить, что́ онъ въ это время дѣлалъ и гдѣ находился, а потомъ (съ 1801 по 1806 г.) онъ жилъ при кн. Голицынѣ, сначала въ Ригѣ, а потомъ въ его имѣніяхъ. За этотъ долгій промежутокъ времени онъ растерялъ всѣ свои литературныя связи. Прежніе его сотрудники по журнальной дѣятельности разсѣялись: одни умерли (Клушинъ, Радищевъ), другіе жили въ своихъ имѣніяхъ (И. Г. Рахманиновъ, Ѳ. О. Туманскій), третьи жили вдали отъ столицы по службѣ (Н. Ѳ. Эминъ — губернаторомъ въ Выборгѣ). Во главѣ литературы и журналистики стояли въ 1806 году московскіе литераторы Карамзинъ, Дмитріевъ и Жуковскій. Возобновивъ, переводомъ басенъ, свою литературную дѣятельность, Крыловъ и долженъ былъ искать сближенія съ ними. Конечно, всего естественнѣе было обратиться къ главному изъ нихъ, — Карамзину. Но онъ въ это время окончательно, прекратилъ уже свою журнальную

дѣятельность и, по выраженію кн. Вяземскаго, «постригся» въ историки. Да если бы онъ и продолжалъ журнальную дѣятельность, врядъ-ли Крыловъ рѣшился-бы завести съ нимъ сношенія. Извѣстно, что онъ не сочувствовалъ сентиментализму Карамзина и осмѣивалъ его въ своихъ журналахъ; между ними рѣшительно ничего не было общаго, не на чемъ было сойтись и поладить. Жуковскій самъ только еще начиналъ свою литературную и журнальную дѣятельность и врядъ-ли могъ въ это время остановить на себѣ вниманіе Крылова. Послѣдній, какъ опытный журналистъ и литераторъ, совершенно вѣрно рѣшилъ выборъ. Возобновивъ литературную дѣятельность и обратившись къ тому роду поэзіи, въ которомъ онъ уже раньше, за долго до 1806 г., какъ увидимъ далѣе, упражнялся, онъ, *для помѣщенія въ печать своихъ басенъ*, обратился къ Дмитріеву, подъ покровительствомъ котораго кн. Шаликовъ издавалъ въ Москвѣ «Московскій Зритель», что̀ весьма легко могло быть извѣстно Крылову[1]). Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключалось единственное побужденіе, по которому Крыловъ явился къ Дмитріеву. И послѣдній, очевидно, такъ и понялъ это. Одобривъ басни Крылова, онъ отослалъ ихъ въ журналъ кн. Шаликова, и этимъ всѣ сношенія нашихъ баснописцевъ кончились. Оттого Дмитріевъ и не упоминаетъ въ своихъ Запискахъ объ этомъ единственномъ свиданіи своемъ съ Крыловымъ: это былъ самый обыкновенный, единичный случай, простое литературное посредничество — и только. Никакой важности, никакого рѣшающаго для Крылова значенія свиданіе это не имѣло и не могло имѣть. Нѣтъ повода, конечно, отвергать позднѣйшихъ разсказовъ Крылова о томъ, что во время этого свиданія Дмитріевъ совѣтовалъ ему заняться баснями, не пренебрегать такъ очевидно выразившимся дарованіемъ къ этому роду поэзіи; было бы даже странно, если бы

1) Объ участіи И. И. Дмитріева къ журналу кн. Шаликова см. въ письмахъ Дмитріева къ Д. И. Языкову (Соч. Дм—ва, подъ ред. А. А. Флоридова, т. II, стр. 196—200). Участіе это было настолько замѣтно, что С. Н. Глинка назвалъ его даже «покровительствомъ».

Дмитріевъ не сказалъ этого. Но не эти совѣты рѣшили для Крылова вопросъ, который и возникъ для него не теперь, не при свиданіи съ Дмитріевымъ, а гораздо раньше.

И мнѣ думается, что у насъ есть сильное основаніе усомниться въ истинности передаваемаго біографами Крылова извѣстія о руководящемъ участіи И. И. Дмитріева въ литературной дѣятельности Крылова, если вспомнить, что есть другое свидѣтельство, пренебреженное біографами Крылова, но подтвержденное самимъ баснописцемъ.

Бантышъ-Каменскій въ своей статьѣ о Крыловѣ разсказываетъ: «Предвидя будущую славу нашего знаменитаго писателя, Оленинъ присовѣтовалъ ему заниматься однѣми баснями и дать волю изобрѣтательному уму представлять изображаемые предметы въ живописномъ видѣ» (Библ. для чтен., 1845, т. 69, науки и худож., стр. 12—13). Тутъ А. Н. Оленину приписывается та-же роль, какую обыкновенно присвоиваютъ И. И. Дмитріеву. Но мы видѣли, что самъ Крыловъ нигдѣ печатно не высказался о руководящемъ значеніи для него И. И. Дмитріева, Оленину же онъ посвятилъ цѣлое благодарственное стихотвореніе, прямо призналъ его виновникомъ своей литературной славы. Посылая ему экземпляръ своихъ басенъ, Крыловъ присоединилъ къ нему слѣдующее стихотвореніе:

«Прими, мой добрый меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженья.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышалъ, говорятъ,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть, можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь —
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь.
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что, на меня
Щедротъ монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой Музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ.
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,

И я бы умеръ весь для свѣта.
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ томъ назову?
При мысли сей мое живѣе сердце бьется.
Прими-жь мой скромный даръ теперь
И вѣрь,
Что благодарностью, не лестью онъ дается».

Въ этомъ стихотвореніи Крыловъ благодаритъ Оленина не только за то, что послѣдній склонилъ на него «лучъ монаршихъ щедротъ», но и за свое литературное безсмертіе, за свою литературную славу, за плодотворность своей литературной дѣятельности. А этого нельзя достигнуть только «монаршими щедротами», которыми, пользовался въ то время не одинъ Крыловъ, но и Жуковскій, и Анна Бунина, и Вл. Измайловъ, и Марія Поспѣлова, и многіе другіе. И никто изъ нихъ, кромѣ Крылова и Жуковскаго, не достигъ безсмертія. Очевидно, высказывая Оленину публичную благодарность (его стихотвореніе было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828 г.), Крыловъ хотѣлъ дать понять, что онъ обязанъ Оленину не однѣми монаршими щедротами, но и постоянной поддержкой въ его баснописной дѣятельности, настойчивыми совѣтами окончательно перейти къ баснямъ, какъ къ наиболѣе подходящему къ таланту Крылова роду поэзіи.

Дмитріевъ былъ для Крылова чужой человѣкъ, съ которымъ онъ вошелъ въ сношенія случайно, по единичному поводу, съ которымъ у него не было никакой нравственной связи и передъ которымъ Крыловъ никогда не открывалъ своей души. Олениинъ же былъ его давнишнимъ и постояннымъ другомъ, къ семейству котораго Крыловъ былъ искренно и сердечно привязанъ. Поэтому, Олениинъ могъ знать многія сокровенныя и личныя настроенія, влеченія и стремленія Крылова и въ интимныхъ, дружескихъ разговорахъ давать совѣты, убѣждать, склонять къ тому или другому рѣшенію, къ той или другой формѣ дѣятельности. А Крыловъ несомнѣнно въ этомъ нуждался, потому что наклон-

ность къ баснѣ сказывалась въ немъ давно, съ самой ранней юности, какъ увидимъ далѣе. Но онъ, увлекаясь сначала журналистикой и сатирой, а потомъ драматической дѣятельностью, не могъ и не хотѣлъ сосредоточиться на басняхъ. На это есть даже намекъ въ разсказахъ одного изъ его современниковъ и друзей— Плетнева, который, упомянувъ о переходѣ Крылова къ баснѣ, говоритъ: «*Преодолѣвъ отвращеніе свое отъ этого рода* и заглушивъ раннюю страсть къ драматической поэзіи, Крыловъ нѣсколько времени ограничивался то подражаніемъ, то передѣлкою извѣстныхъ басенъ». Но *отвращенія* едва ли можетъ существовать къ тому роду, котораго человѣкъ еще не испыталъ; и точно также трудно почувствовать отвращеніе къ первому опыту въ новомъ родѣ, особенно, когда этотъ опытъ вышелъ удачнымъ. Значитъ, Плетневъ говоритъ не объ отвращеніи Крылова къ тѣмъ баснямъ, которыя онъ только-что перевелъ, а вообще о нежеланіи Крылова выражать свое міросозерцаніе именно въ этой формѣ. А это заставляетъ предполагать, что Крыловъ еще до 1806 года уже пробовалъ писать басни, но нашелъ, что въ этой формѣ ему не удастся выразить все то, что̀ хочется выразить, и именно такъ, какъ хочется. Удачный опытъ съ переводомъ Лафонтеновыхъ басенъ послужилъ для Оленина сильнымъ средствомъ доказать Крылову, что именно басня и есть тотъ настоящій родъ поэзіи, который всего болѣе подходитъ и къ таланту и къ характеру Крылова. За это Крыловъ и благодарилъ Оленина.

Если И. И. Дмитріевъ дѣйствительно, какъ до сихъ поръ думаютъ, первый направилъ Крылова на тотъ путь, за который послѣдній такъ горячо благодарилъ Оленина, то что-же помѣшало ему выразить и Дмитріеву такую-же благодарность? Вѣдь онъ самъ гласно заявилъ, что онъ «не стыдился» быть благодарнымъ. Ясно, что ему не за что было благодарить Дмитріева.

На это можно, правда, возразить, что если Крыловъ не заявилъ *печатно* о вліяніи на него совѣтовъ Дмитріева, то все-таки не скрылъ этого и самъ разсказывалъ объ этомъ своимъ

друзьямъ, черезъ посредство которыхъ это дошло и до насъ. Но въ томъ-то и бѣда, что мы не знаемъ навѣрное, что́ именно и какъ разсказывалъ Крыловъ. Его друзья, сообщая намъ о свиданіи его съ Дмитріевымъ, и о томъ, что сказалъ при этомъ Дмитріевъ, передаютъ весь разговоръ не полно, приводя только слова Дмитріева: «это истинный вашъ родъ, наконецъ вы нашли его». Это и придаетъ всему эпизоду такой характеръ, что Крыловъ, какъ начинающій мальчикъ, поднесъ Дмитріеву свой *первый* опытъ съ покорностью выслушалъ его приговоръ. Между тѣмъ, очевидно, дѣло было не такъ. Между обоими баснописцами, несомнѣнно, завязался разговоръ, который не могъ весь исчерпываться одними, передаваемыми намъ, словами Дмитріева. Слова эти — просто фраза, выхваченная изъ цѣлаго разговора и потому понять ихъ истинный смыслъ, который опредѣляется ихъ отношеніемъ къ цѣлому разговору, въ настоящее время невозможно. Но, во всякомъ случаѣ, насколько можно судить на основаніи высказанныхъ нами соображеній, слова Дмитріева не могли имѣть того именно значенія, какое имъ приписали съ легкой руки г-жи Карлгофъ.

Чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, намъ необходимо вернуться къ вопросу о процессахъ художественнаго творчества Крылова и доказать, что басни, переведенныя имъ въ 1806 году, не были его первымъ опытомъ въ этомъ родѣ.

Теоретически вопросъ этотъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ уже давно, еще 30 лѣтъ тому назадъ. Въ 1868 г., по поводу столѣтія со дня рожденія Крылова, появились, въ числѣ множества другихъ, двѣ статьи объ его литературной дѣятельности, въ которыхъ доказывалось, что между баснописной дѣятельностью Крылова и предшествовавшей ей литературной его дѣятельностью существуетъ неразрывная связь и что Крыловъ еще задолго до того, какъ сдѣлался исключительно баснописцемъ, уже обнаруживалъ наклонность къ апологу и нравоученію.

Первая статья принадлежитъ профессору Кіевскаго университета Селину и озаглавлена: «Крыловъ, какъ высшій пред-

ставитель русской басни» (Кіевъ, 1868). Въ ней авторъ старался доказать, что «все, что только Крыловъ написалъ въ прозѣ въ своихъ трехъ журналахъ», можно назвать «обширнымъ прологомъ къ художественнымъ его баснямъ, прибавивъ къ нему и двѣ комедіи, которыя, сравнительно съ тремя другими, можно назвать лучшими («Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ»). И далѣе показываетъ связь по содержанію между статьями Крылова въ «Почтѣ Духовъ» и его баснями: «Кукушка и Горлинка», «Крестьянинъ и Змѣя», «Бочка», «Воспитаніе Льва», «Червонецъ», «Гуси», «Крестьянинъ и Рѣка», «Слонъ на воеводствѣ», «Левъ на ловлѣ», «Волкъ и Ягненокъ», «Крестьянинъ и Овца», «Левъ», «Волки и Овцы», «Моръ звѣрей», «Котъ и Поваръ», «Лисица и Сурокъ», «Щука», «Волкъ и Мышенокъ», «Пастухъ», «Лиса-строитель», «Рыбьи пляски», «Вельможа». Эту связь между прозаическими статьями Крылова и его баснями Селинъ видѣлъ не только въ сходствѣ содержанія, но и въ сходствѣ формы.

Другая статья: «Сатира Крылова и его Почта Духовъ» принадлежитъ академику Я. К. Гроту и была напечатана въ томъ-же 1868 г. въ IV-мъ томѣ «Сборника статей, читан. въ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ». Въ ней также доказывается связь сатиры Крылова съ его баснями и указывается на то, что еще во время журнальной своей дѣятельности Крыловъ обнаруживалъ наклонность къ тому виду поэзіи, который впослѣдствіи такъ прославилъ его. — По указаніямъ Грота, еще въ «Почтѣ Духовъ» можно усмотрѣть зародыши многихъ басенъ Крылова, какъ, напр., «Вороненокъ», «Слонъ и Моська», «Купецъ», «Мѣшокъ», «Гуси», «Зеркало и Обезьяна», «Вельможа». Это приводило Грота къ выводу, что «сатира Крылова часто развиваетъ съ бóльшею полнотою и ясностью тѣ же мысли, которыя мы позднѣе встрѣчаемъ въ его басняхъ. Иногда въ послѣднихъ попадаются образы и черты, уже знакомые намъ изъ его сатирическихъ сочиненій» (стр. 216).

Съ другой стороны, «мы видимъ, какъ рано возникли въ душѣ Крылова и какъ долго носились въ ней многіе изъ тѣхъ идей и

образовъ, которымъ онъ далъ окончательное развитіе въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; можно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ онъ воспитывалъ въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя. «Эти соображенія о связи басенъ Крылова съ его сатирическими статьями Гротъ заканчиваетъ указаніемъ на выраженное Крыловымъ уже въ «Почтѣ Духовъ» мнѣніе о нравоученіи и о той формѣ, въ какой оно должно выражаться: «Но всего замѣчательнѣе, какъ отдаленное предзнаменованіе перехода Крылова къ баснѣ, — говоритъ Гротъ, слѣдующія строки одной изъ послѣднихъ страницъ «Почты Духовъ»: «Нравоучительныя правила должны состоять не въ пышныхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ, а чтобъ въ короткихъ словахъ изъяснена была самая истина. Люди часто впадаютъ въ пороки и заблужденія не отъ того, чтобы не знали главнѣйшихъ правилъ, по которымъ должны они располагать свои поступки, но отъ того, что они ихъ позабываютъ, а для сего-то и надлежало бы поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти» (стр. 217—218).

Очевидно, у Крылова уже въ это время (въ 1788—1789 гг.) было совершенно ясное и опредѣленное представленіе о баснѣ и ея великомъ нравственномъ значеніи. Гротъ видитъ въ только-что приведенномъ мнѣніи Крылова «отдаленное предзнаменованіе перехода его къ баснѣ», основываясь на утвердившемся въ литературѣ мнѣніи, будто въ это время Крыловъ еще не писалъ басенъ. Но, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, это было не простое «предзнаменованіе», а мнѣніе человѣка, уже испытавшаго себя въ баснѣ.

Черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ послѣ этихъ статей появилась статья Л. Н. Майкова: «Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ» (Спб. 1889), перепечатанная потомъ въ «Историко-литературныхъ очеркахъ» (Спб. 1895). Статья эта еще ближе, чѣмъ выше указанныя, подошла къ рѣшенію

вопроса, и надо признать, что г. Майковъ почти угадалъ истину безъ всякихъ фактическихъ на нее указаній.

Указавъ на связь, по темѣ и по манерѣ изложенія, нѣкоторыхъ сатирическихъ очерковъ въ журналѣ «*Утренніе Часы*» (1788—1789) съ Крыловскими письмами гномовъ въ «Почтѣ Духовъ», г. Майковъ говоритъ: «Еще болѣе заслуживаютъ вниманія въ семъ отношеніи нѣкоторыя изъ басенъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Рахманинова (т. е. въ «Утрен. Часахъ»): по живости языка и непринужденности разсказа онѣ очень походятъ на типическія басни Крылова. См. въ «Утрен. Час.», въ ч. III: «Олень и Заяцъ», а въ IV: «Новопожалованный Оселъ»; эта послѣдняя басня представляетъ замѣтное сходство съ «Осломъ» Крылова («Когда вселенную Юпитеръ населялъ»). Кромѣ того, въ ч. III «Утрен. Час.» (октяб. 1788) есть басня «Недовольный гостьми стихотворецъ», гдѣ осмѣянъ помѣшанный на прозѣ и стихахъ Риѳмохватъ — то же лицо, что Риѳмокрадъ, то есть Княжнинъ, въ «Проказникахъ» Крылова[1]).

Но Л. Н. Майковъ могъ высказать только предположеніе о принадлежности Крылову указанныхъ имъ басенъ. Онѣ напечатаны въ «Утрен. Часахъ» безъ подписи, какъ почти всѣ остальныя статьи этого журнала. Поэтому, судить о принадлежности Крылову этихъ басенъ г. Майковъ могъ только по догадкѣ, по замѣченному имъ сходству языка и непринужденности разсказа, да еще потому, что Крыловъ несомнѣнно участвовалъ своими трудами въ названномъ журналѣ, въ которомъ помѣщена одна его ода съ полной его подписью. Не считая вопросъ рѣшеннымъ, въ виду недостатка фактическихъ данныхъ, г. Майковъ ограничился замѣчаніемъ, что «если бы принадлежность Крылову этихъ анонимныхъ произведеній могла быть доказана съ достаточною точностью, мы имѣли бы передъ собою ранніе опыты его въ томъ родѣ поэзіи, которымъ впослѣдствіи онъ прославилъ свое

1) Цитуемая статья Майкова посвящена преимущественно выясненію литературныхъ отношеній Крылова къ Княжнину.

имя; а что онъ сочинялъ басни въ юности, преданіе о томъ сохранено Лобановымъ» (оно приведено выше).

Къ счастію, мнѣ въ руки попалось неоспоримое доказательство того, что именно въ «Утреннихъ Часахъ» 1788 г. помѣщены были *несомнѣнно первыя* [1]) басни Крылова, за его несомнѣнной, хотя и не полной, подписью, но это не тѣ басни, о которыхъ говоритъ г. Майковъ.

Года полтора тому назадъ мнѣ случилось пріобрѣсти у одного изъ букинистовъ экземпляръ «Утреннихъ Часовъ», хотя и не полный (двѣ первыя части, а всѣхъ должно быть четыре), но привлекшій мое вниманіе тѣмъ, что надъ нѣкоторыми помѣщенными въ немъ баснями стоитъ подпись: *С. И. Крыл.*, которую я объяснилъ себѣ такъ: *сочинилъ Иванъ Крыловъ*. Но это была только моя догадка. Подпись могла означать и другое, т. е. стоящія передъ фамиліей буквы С. И. могли означать имя и отчество сочинителя, и тогда передъ ними были бы не произведенія нашего знаменитаго баснописца, а какого нибудь другого Крылова. Для разрѣшенія этого вопроса я обратился къ любезному содѣйствію г. Майкова, который, тотчасъ же согласившись съ моимъ объясненіемъ загадочной подписи, напомнилъ мнѣ свою статью, о которой говорено было выше. При этомъ онъ выразилъ удивленіе и сожалѣніе, какъ могъ онъ пропустить басни съ подписью. Дѣло въ томъ, что указанныя имъ басни помѣщены въ 3 и 4 частяхъ «Утреннихъ Часовъ» безъ всякой подписи, а найденныя мною басни находятся въ 1 и 2 частяхъ съ выше приведенной подписью.

Заинтересованный этимъ, я сличилъ свой экземпляръ съ экземпляромъ Имп. Публичной Библіотеки, которымъ пользовался г. Майковъ, и тогда неожиданно оказалось, что они весьма существенно другъ отъ друга отличаются, и самое важное различіе состоитъ въ томъ, что въ экземплярѣ Публичной библіотеки

---

1) Но *предположительно* первою басней его можно считать, какъ показано будетъ далѣе, басню, помѣщенную въ 1786 г. въ журн. «Лѣкарство отъ скуки и заботъ».

почти всѣ статьи, во всѣхъ четырехъ частяхъ, въ томъ числѣ и замѣченныя мною басни, аномимныя, безъ фамилій авторовъ; въ моемъ же экземплярѣ почти всѣ статьи съ подписями начальныхъ буквъ имени и фамиліи авторовъ.

Чтобы убѣдиться, нѣтъ-ли еще экземпляровъ этого журнала съ тѣми же важными библіографическими особенностями, какія оказались въ моемъ экземплярѣ, я просмотрѣлъ описи книгъ и журналовъ XVIII-го столѣтія Губерти, Остроглазова, Неустроева. Но оказалось, что нигдѣ этихъ особенностей не отмѣчено. Тогда мнѣ стало ясно, что мнѣ попался совершенно особенный, никому до сихъ поръ неизвѣстный экземпляръ.

Поэтому, прежде, чѣмъ скажу подробно о сдѣланной мною находкѣ несомнѣнныхъ раннихъ басенъ Крылова, считаю необходимымъ подробно описать мой экземпляръ «Утреннихъ Часовъ» и указать, чѣмъ онъ отличается отъ извѣстныхъ до сихъ поръ экземпляровъ. Для сравненія возьму экземпляръ Публичной Библіотеки, съ которымъ вполнѣ сходны и всѣ остальные, извѣстные до сихъ поръ экземпляры.

Заглавіе въ обоихъ экземплярахъ одинаковое: «*Утренніе Часы. Еженедѣльное изданіе. Часть I. Печатано съ дозволенія указнаго. Въ Санктпетербургѣ. 1788*». Но далѣе обнаруживаются весьма существенныя различія, которыя будутъ вполнѣ ясны при параллельномъ описаніи обоихъ экземпляровъ.

Во-первыхъ, въ экземплярѣ Публ. Библіотеки на оборотѣ заглавнаго листа напечатано:

«Въ ономъ помѣщаемы будутъ слѣдующія статьи въ стихахъ и прозѣ:

«1. Побужденія къ добродѣтели. 2. Нравоученія. 3. Пріятные и забавные анекдоты. 4. Острыя и замысловатыя шутки. 5. Невредныя и ни до кого лично некасающіяся критики. 6. Черты великодушія и добродѣтельныхъ поступковъ. Однимъ словомъ, все то, что можетъ служить къ поощренію великодушныхъ и человѣколюбивыхъ дѣяній, составляющихъ истинное блаженство жизни человѣческой.

«Желающіе помѣщать въ сіе изданіе сочиненія свои или переводы, могутъ оные присылать запечатанные въ тѣ мѣста, гдѣ пріемлется подписка, съ надписаніемъ: *для помѣщенія въ Утренніе Часы*; что принимано будетъ съ особливою признательностію и вносимо все то, что соотвѣтствовать будетъ симъ статьямъ.

«Подписка принимается: *Въ Санктпетербургѣ*: въ Луговой Милліонной подъ № 77 у книгопродавца Миллера; за годъ 4 р. 50 к.; за полгода по 2 р. 25 к. *Въ Москвѣ*: въ его же лавкѣ, состоящей на Покровкѣ, въ 5 части, во 2 кварталѣ, въ домѣ г. Бригадира Князя Голицына, подъ № 175.

«Въ другихъ городахъ въ Почтъ-Амтахъ; съ пересылкою за годъ по 6 р. 50 к.; за полгода по 3 р. 25 к. Въ Санктпетербургѣ сіи листы раздаются каждую недѣлю по Четвергамъ, а въ другихъ городахъ по прибытіи почты».

Въ моемъ экз. этого объявленія нѣтъ, а вмѣсто него по срединѣ страницы круглый штемпель: И. Р. (Ив. Рахманиновъ). Далѣе:

Недѣля I-я.

Въ обоихъ экземплярахъ одинаково.

Недѣля II-я.

Въ экз. Публ. Библіотеки на стр. 19-й, въ строкѣ 5-ой сверху — точки.

На той-же страницѣ, въ строкѣ 2-й снизу — точки.

Отвѣтъ г-жѣ С. отъ издателей (стр. 23) подписанъ: Покорные вамъ издатели.

Въ моемъ экз. вмѣсто точекъ стоитъ слово *обироха*.

Вмѣсто точекъ стоитъ слово *обманщиковъ*.

Кромѣ этой подписи въ лѣвомъ углу стоятъ еще буквы: *С. П. О.*

О благодѣяніи — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ мыслей Монарховъ Философ. Стан. Лещин.

Правосудіе — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Спал. Кол. ч. 4.

Жизнь и смерть человѣческая — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Фил. Турка. Принц. Кастріото Алб.

Чудные люди — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Нѣмец. Стихотвор. Час. I. Соч. г. Лихтера.

Недѣля III.

О пользѣ и необходимости нравственной науки — *безъ подписи.*

Подпись: изъ Тревус. журнала Пдр. Пер. съ приб. *П. О.*

О краткости жизни и употребленіи оной — *безъ подписи.*

Подпись: *П. А. Н.* изъ Смѣси Восточ. учен.

Разговоръ Бархатнаго кафтана съ Подушкою — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Собр. Нѣм. Стих. Час. I соч. г. Лихт.

Благодарность издателей Чистосерду Дружелюбову за присланную изъ Москвы пѣснь на прибытіе Ея Вел—ва въ сей столичный городъ (безъ заглавія) — *безъ подписи.*

Тоже *безъ подписи.*

Недѣля IV.

Письмо къ издателямъ о случаѣ безкорыстія и добродѣтели. *Подписано*: Добролюбовъ.

Кромѣ этой подписи, въ лѣвомъ углу стоятъ буквы: *С. А. Н.*

Благодарность издателей за это письмо — *безъ подписи.*	*Подпись*: *С. П. О.*
О опасности, происходящей отъ утѣхъ, о смерти и добродѣтели — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.* изъ Смѣс. Вост.
О семъ свѣтѣ и о тлѣнности — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.* изъ Слов. Анекд.
Острое слово — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.* изъ Смѣс. Вост.
Ростовщикъ — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ Нѣм. Стих. ч. I, соч. г. Геллерта.

Недѣля V.

Ищу человѣка — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* съ приб. изъ фр. зрит.
О трудности познанія человѣческаго сердца — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.*
О непостоянствѣ счастія — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.*
О наукѣ и невѣжествѣ — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.*
О упорствѣ порочныхъ — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.* изъ Вост. учен.
Супружеская любовь — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.* изъ Слов. Анекд.
Стыдливой игрокъ — *безъ подписи.*	*Подпись*: *С. И. Крыл.*

Недѣля VI.

Сонъ — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ Спальнаго Кол. ч. 3.

Совѣты отъ отца сыну — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.* изъ Вост. учен.
Великодушное дѣйствіе — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.* изъ Франц. Вѣст.
Острое слово — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.* изъ Сл. Анек.
О роскоши — *безъ подписи.*	*Подпись*: Пдр. пер. *П. О.*
О достоинствѣ и чинахъ — *безъ подписи.*	*Подпись*: Пдр. пер. *П. О.*

Недѣля VII.

Загородная прогулка—*безъ подписи.*	Хотя въ выноскѣ и сказано, что «сія статья получена отъ неизвѣстной особы», но подъ ней стоитъ подпись: *С. Т. И.*
Торжественная пѣснь Екатеринѣ II Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской . . . и т. д., поднесенная *Александромъ Лабзинымъ.*	То же.

(Это и есть *Чистосердъ-Дружелюбовъ*, о которомъ говорится въ недѣлѣ III-й).

Недѣля VIII.

Совѣты отъ отца сыну (продолженіе) — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. А. Н.* изъ Вост. учен.
Черты великодушія и добродѣтели — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. П. О.* изъ Сокр. Библ. церков. учит.: изъ мнѣній Св. Кипріана.

Недѣля IX.

Трогающее надгробіе — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Спал. Кол. ч. 3.

Черты великодушія и добродѣтели — *безъ подписи.*

Подпись: *П. А. Н.*

Надежда и страхъ — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Нѣм. Стих. ч. I.

Защищеніе скупаго и мота — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* съ прибавл. изъ Фран. Зрит.

Недѣля X.

Философическое размышленіе о утѣхахъ — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Фран. кн. назв. отъ всего по мален.

Милосердіе—*безъ подписи.*

Подпись: *П. А. Н.*

Наставленіе молодому Суетону, вступающему въ свѣтъ— *безъ подписи.*

Подъ письмомъ, при которомъ прислано издателямъ это стихотвореніе, кромѣ псевдонимной подписи *Феофрастъ Миролюбецъ*, съ лѣвой стороны *подпись*: *С. П. О.*

Недѣля XI.

О воспитаніи — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* съ приб. отъ Вс. по мал. и изъ Фран. Зрит.

Бракъ по выбору другаго — *безъ подписи*:

Подпись: *П. А. Н.* изъ Слов. Анекд.

Чудный сонъ одного портнаго — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Собр. Вост. Учен.

Недѣля XII.

Утреннее размышленіе — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ втор. час. Нѣм. Стих. изъ соч. Вил.
Обозрѣніе свѣта—*безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ 3 части Спальн. Колн.
Священникъ и больной — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ Нѣмец. Стихотв. часть I-я.
Картина Лондона — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ Аглин. ночей.

Недѣля XIII.

Разговоръ проповѣдника съ философомъ — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ Mon bonnet de nuit. t. 3.
Письмо къ издателямъ (Наставленіе отца сыну) *Подпись*: *NN.*	Кромѣ буквъ N. N., но ниже ихъ стоятъ буквы: *П. О.*
Самое наставленіе подписано тоже буквами *N. N.*	*Подпись*: Тѣ-же буквы N. N., но выше ихъ, въ одну строку съ послѣднимъ словомъ, стоитъ *подпись*: *Ал. Оз.*
Замѣтка издателей по поводу предыдущей статьи—*безъ подписи.*	*Подпись*: *С. П. О.*
Избранныя мысли — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ L'Esprit des esprits.
Жмурки — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ Choix de poesie Allem. t. I.

Этимъ кончается первая часть. Далѣе въ моемъ экземплярѣ помѣщены: «Оглавленіе статьямъ, помѣщеннымъ въ сей первой части» (4 нен. стр.) и «имена подписавшихся» (4 нен. стр.). Въ экземплярѣ Имп. Публичной Библіотеки ни оглавленія, ни списка подписчиковъ при 1-ой части нѣтъ.

Часть II.

Заглавіе, то-же, что и въ первой части, одинаково въ обоихъ экземплярахъ.

На оборотѣ заглавнаго листа по серединѣ напечатано:

«На сіе еженедѣльное изданіе, которое состоять будетъ изъ четырехъ частей, принимается подписка: на цѣлой годъ, на Александрійск. бумагѣ по 6р. 50 к., на Любской по 5 р. 50 к., на простой по 4 р. 50 к. Желающіе оное получать въ другихъ городахъ, благоволятъ со взнесеніемъ денегъ противъ вышеписаннаго двумя рублями дороже, относиться чрезъ почтъ-амтъ каждаго города, въ Санктпетербургскую газетную экспедицію. Въ Санктпетербургѣ листы раздаются каждую недѣлю по Четвергамъ; въ другихъ же городахъ по прибытіи почты. Имена подписавшихся при окончаніи каждой части преданы будутъ тисненію».

Этого объявленія нѣтъ, а на его мѣстѣ поставленъ круглый штемпель: И. Р. (Ив. Рахманиновъ).

Недѣля XIV.

О величествѣ Божіемъ, о ничтожности земныхъ вещей и о человѣкѣ — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.*

Забавный путешественникъ — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Amus. Cerieu et Comiq.

Недѣля XV.

Скелетъ, внушающій полезное нравоученіе — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Mon bonnet de nuit t. 3.

Басни. 1. Павлинъ и Соловей. — 2. Левъ и Медвѣдь. 3. Змѣй.— *безъ подписи.*

Первая, написанная прозою, *подписана*: *П. С. Д.* изъ de tout un peu. Вторая, написанная стихами, *безъ подписи.* Подъ третьей, написанной тоже стихами, подпись: *П. П. О.* Впрочемъ, можетъ быть, эта подпись относится къ обѣимъ.

Уборной столъ модныхъ щеголихъ — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Tabl. de Paris t. 3.

Недѣля XVI.

Совѣты отъ отца сыну (продолженіе) — *безъ подписи.*

Подпись: *П. А. Н.* изъ Melange de Litter.

Суетность великолѣпныхъ надгробій — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Mel. de lit. orient.

Записка калифа Абдулромана — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* — оттуда-же.

Забавный путешественникъ — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.*

О человѣческомъ неразумiи — *безъ подписи.*

Подпись: *С. И. Р.* ?

Недѣля XVII.

Совѣты отъ отца сыну (продолженіе) — *безъ подписи.*

Подпись: *П. А. Н.*

Черты великодушія и добродѣтели — *безъ подписи.*

Приведено два примѣра. Первый *подписанъ*: *П. И. Р.* изъ Lectures pour les enfans,

t. I; второй: *П. А. Н.* изъ Diction. d'Anecdot.

Чудная ярмонка—*безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Nuits Angloises.

Недѣля XVIII.

Противъ желаній человѣческихъ — *безъ подписи.*

Тоже *безъ подписи, но она поставлена* въ слѣдующей недѣлѣ.

Черты великодушія и добродѣтели — *безъ подписи.*

Приведено два примѣра: Первый *подписанъ*: *П. И. Р.* изъ Choix de poesie Allem. t. I de Mr. Lichtver; второй—*подписанъ*: *П. А. Н.* изъ Dict. d'Anecd.

Избранныя мысли — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.*

Судьба игроковъ (басня)— *безъ подписи.*

Подпись: *С. Ив. Крыл.*

Недѣля XIX.

Противъ желаній человѣческихъ (продолженіе) — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Choix de poesie Allem. t. 4.

Смерть мухи и комара — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* оттуда-же, t. I.

Черты великодушія и добродѣтели — *безъ подписи.*

Приведено два примѣра. Первый *подписанъ*: *П. И. Р.*; второй — *П. А. Н.* изъ Dict. d'Anecd.

Благодарность В. П. д. ш. в. л. ву (В. Подшивалову) за присланныя статьи — *безъ подписи.*

Тоже *безъ подписи.*

Недѣля XX.

Счастливое паденіе — *безъ подписи.*	Передъ этой статьей помѣщено письмо приславшаго ее автора, подписанное буквами N. N.; какъ и въ экземплярѣ И. Публичной Библіотеки; но самая статья *подписана*: *С. Т. Иль.*
Избранныя мысли — *безъ подписи.*	Тоже *безъ подписи.*

Недѣля XXI.

О совѣсти — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ Espr. des Monar. Philo. de Stanisl.
Забавный путешественникъ (продолженіе) — *безъ подписи.*	Тоже безъ подписи, но она *помѣщена была раньше*, въ началѣ статьи, *въ недѣлѣ XVI.*

Недѣля XXII.

О препровожденіи и употребленіи времени — *безъ подписи.*	*Безъ подписи.*
Басни. 1. Крестьянинъ и гора. 2. Персіянинъ, солнце и облако. 3. Лисица и тигръ. *Подпись*: Перевелъ съ французскаго *Н. Хлюстинъ.*	*Таже подпись.*

Недѣля XXIII.

О препровожденіи и употребленіи времени (продолженіе — *безъ подписи.*	Тоже *безъ подписи.*

Анекдоты — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. П. О.*
Историки. Баснь — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. П. Бырдинъ* изъ Mon bonnet de nuit. t. 2.

Недѣля XXIV.

Желаніе добродѣтельнаго — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ Poesie d'un Turq.
Забавный путешественникъ — *безъ подписи.*	Тоже *безъ подписи.*
Баснь. Павлинъ и Соловей — *безъ подписи.*	*Подпись*: *С. И. Крыл.*

Недѣля XXV.

О препровожденіи и употребленіи времени (продолженіе) — *безъ подписи.*	*Безъ подписи.*
Забавный путешественникъ (продолженіе) — *безъ подписи.*	Тоже.
Сонетъ — *безъ подписи.*	Тоже.

Недѣля XXVI.

Надгробная рѣчь одному крестьянину — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ L'An 1440 chapitre 43.
Басни. 1. Ехидна и Піявица. 2. Пчела и Кукушка. 3. Чай и Шалфей — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. П. О.*
Подземное путешествіе — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. Сем. Печ.* изъ Nuits Angloises.
Избранныя мысли — *безъ подписи.*	*Безъ подписи.*

Этимъ оканчивается вторая часть. Къ ней въ моемъ экземплярѣ приложены: «Оглавленіе статьямъ, помѣщеннымъ въ сей

второй части» (4 нен. стр.) и «Имена подписавшихся» (2 нен. стр.). Въ экземплярѣ Публичной Библіотеки ни оглавленія, ни списка подписчиковъ — нѣтъ.

Далѣе я не могу сравнивать этихъ экземпляровъ, потому что, къ сожалѣнію, мой экземпляръ состоитъ только изъ первыхъ двухъ частей, а третьей и четвертой въ немъ нѣтъ [1]).

Въ экземплярѣ Публичной Библіотеки въ 3 и 4 частяхъ, на оборотѣ заглавнаго листа поставленъ по серединѣ такой-же штемпель И. Рахманинова, какъ и на первыхъ двухъ частяхъ въ моемъ экземплярѣ, но этимъ и ограничивается все сходство. Подписей въ III-й ч. ни подъ одной статьей нѣтъ, а въ IV-й подписаны только: Басня «Волкъ и Коза» буквами: С. Л. (стр. 94—96); ода «Утро» — *И. Крыловъ* (стр. 136—141); притча «Лѣстница» (стр. 175—176) и идиллія «Двѣ гробницы» (стр. 187—192) — буквами И. Д. (*Ив. Дмитріевъ*).

Въ III-й ч., въ спискѣ подписчиковъ, встрѣчается имя *И. А. Крылова*; въ первыхъ двухъ частяхъ экземпляра Публичной Библіотеки списка подписчиковъ нѣтъ; а въ моемъ экземплярѣ въ этомъ спискѣ нѣтъ фамиліи Крылова.

Чтобы покончить съ описаніемъ моего экземпляра, надо упомянуть, что онъ переплетенъ въ современный кожаный переплетъ съ золотымъ тисненіемъ, и на корешкѣ, внизу, въ золотомъ кружкѣ, вытиснены золотомъ начальныя буквы имени и фамиліи владѣльца: Р. О.— Такимъ образомъ, главнѣйшая особенность моего экземпляра, по сравненію съ тѣми, которые выпущены были для читателей и образцомъ которыхъ послужилъ для насъ экземпляръ Публичной Библіотеки, состоитъ въ томъ, что въ моемъ экземплярѣ почти подъ всѣми статьями поставлены начальныя буквы имени и фамиліи авторовъ и указаны источники, которыми они пользовались. Мѣстами встрѣчаются даже указанія на самый процесъ работы: подъ нѣкоторыми перевод-

1) «Утренніе Часы» издавались съ 20-го апрѣля 1788 по 12 апрѣля 1789 и состоятъ изъ 52-хъ недѣль, составляющихъ четыре части.

ными статьями значится: *перев. съ прибавл.*, причемъ иногда указывается, что прибавленія извлечены изъ какого-нибудь другого иностраннаго сочиненія, а иногда этого указанія нѣтъ, что заставляетъ предполагать, что эти прибавленія составляютъ оригинальную часть работы (см. ч. 1-я, стр. 44, 75, 144, 171).

Какъ объяснить такія особенности моего экземпляра?

Прежде всего приходитъ, конечно, мысль, что передъ нами *второе* изданіе журнала, подобно тому, какъ вышли повторительными изданіями Сумароковская «Трудолюбивая Пчела», Новиковскій «Живописецъ», Крылова «Почта Духовъ». Но все это были журналы *сатирическіе*, даровито прямо и затрагивавшіе животрепещущіе, насущные вопросы. Поэтому, понятенъ живой интересъ къ нимъ общества, разбиравшаго ихъ на расхватъ, что и вызывало необходимость новыхъ изданій; запросъ на эти журналы поддерживался долго, даже много времени спустя по ихъ прекращеніи. Но «Утренніе Часы» былъ журналъ *безсодержательно-нравоучительный*, съ очень несмѣлымъ, такъ сказать— безличнымъ сатирическимъ или, вѣрнѣе, обличительнымъ оттѣнкомъ, почти весь наполненный переводными отрывками изъ разныхъ нравоучительныхъ произведеній европейской литературы, изъ сборниковъ анекдотовъ и даже изъ буквально дѣтскихъ книгъ, въ родѣ Lectures pour les enfants. И хотя издатели питали смѣлую, для того времени, надежду имѣть 200 подписчиковъ (см. вступленіе въ 1-й ч., стр. 5), но, если мы вспомнимъ, что даже Крыловская «Почта Духовъ» имѣла только 80 подписчиковъ, то можно навѣрное сказать, что самонадѣянныя мечты издателей «Утреннихъ Часовъ» и остались мечтами, свидѣтельствующими только объ ихъ молодости и неопытности въ журнальномъ дѣлѣ. Можно сказать даже и болѣе: тѣ сотрудники этого журнала, въ статьяхъ которыхъ замѣтна наклонность къ сатирѣ и обличенію (И. Рахманиновъ, Крыловъ и, можетъ быть, Радищевъ) вскорѣ какъ-бы выдѣлились изъ него и въ началѣ 1789 г., еще до прекращенія «Утреннихъ Часовъ», основали новый журналъ «Почта Духовъ», не прекращая, однако, участія своего и въ «Утреннихъ

Часахъ»[1]). При такихъ условіяхъ, во *второмъ* изданіи и нужды никакой не было.

Это подтверждается однимъ мелкимъ, но за то неоспоримымъ фактомъ. Въ концѣ IV-й части «Утреннихъ Часовъ» (въ экземп. Публ. библ.) помѣщенъ списокъ погрѣшностей, въ которомъ указаны невѣрно напечатанныя въ первыхъ двухъ частяхъ фамиліи нѣкоторыхъ подписчиковъ: Шпажниковъ вм. Шпажинскій, Госовинскій вм. Головинскій, Тиношенкова вм. Тимошенкова. Очевидно, что при второмъ изданіи эти опечатки были бы исправлены. Между тѣмъ, въ моемъ экземплярѣ, въ спискѣ подписчиковъ эти ошибки остались. Еще важнѣе въ данномъ случаѣ опечатка, встрѣчающаяся во II-й ч., гдѣ, на стр. 202, читаемъ слѣдующее: «Сколько есть такихъ Гишпанцовъ, которые въ состояніи наизустъ прочесть до пятисотъ Бословыхъ или Тасовыхъ стиховъ, не знавъ, на какомъ языкѣ писана Гарсклассо». По поводу этого мѣста въ III-й ч. (въ экз. Публ. библ.) на стр. 16-й сказано: «Во второй части на стр. 202 просимъ читателя вмѣсто «писана Гарсклассо» читать: «писалъ Гарсилассо де ла Вега». Эта крупная опечатка тоже неисправлена въ моемъ экземплярѣ. Если принять его за второе изданіе, то придется допустить, что первыя двѣ части тотчасъ по своемъ выходѣ (въ 1788 г.) такъ

1) О связи между «Утрен. Часами» и «Почтой Духовъ» догадывался еще Гротъ, который въ статьѣ своей: «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка» писалъ: «Незадолго передъ тѣмъ, какъ Карамзинъ основалъ «Московскій журналъ», въ Петербургѣ стало появляться (1788 г.) еженедѣльное изданіе «*Утренніе Часы*». По языку этотъ журналъ, состоявшій преимущественно изъ небольшихъ нравоучительныхъ статей, не выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній тогдашней литературы. Но онъ потому особенно заслуживаетъ вниманія, что главный издатель его, Ив. Рахманиновъ, въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Крыловымъ предпринялъ изданіе «Почты Духовъ». Оба журнала печатались *одинъ за другимъ*». Должно только замѣтить, что журналы печатались не одинъ за другимъ, а съ января по апрѣль 1789 г. *одновременно*, а съ апрѣля, по прекращеніи «Утрен. Часовъ», осталась одна «Почта Духовъ» въ той же типографіи, какъ показываетъ выставленный на нихъ штемпель И. Р. Отсюда рождается вопросъ, не произошло-ли соединеніе этихъ двухъ литераторовъ для издательской дѣятельности еще до 1789 г. и не участвовалъ-ли Крыловъ уже и въ изданіи «Утрен. Час.», въ первомъ выпускѣ которыхъ говорится объ издателяхъ». (Ж. М. Н. Пр. 1867, № 4, стр. 217).

быстро разошлись, что потребовалось второе ихъ изданіе, такъ что погрѣшности, замѣченныя издателями при выходѣ III-й и IV-й ч. въ 1789 г., и не могли быть исправлены. Случай весьма мало вѣроятный, совсѣмъ даже не бывалый въ тогдашней журналистикѣ даже съ журналами, болѣе даровито составлявшимися, затрогивавшими болѣе живыя темы.

Поэтому, приходится остановиться на одномъ только, вполнѣ правдоподобномъ мнѣніи: что попавшійся мнѣ экземпляръ «Утреннихъ Часовъ» есть экземпляръ *исключительный*, *можетъ быть даже единственный*, редакторскій или, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ немногихъ (двухъ, трехъ экземпляровъ), которые были отпечатаны издателями [1]) лично для себя. Потому они и позаботились акуратно отмѣтить, кому именно какая статья принадлежитъ, а также и источники своихъ статей. Въ экземплярахъ же, пущенныхъ въ публику, почти всѣ статьи остались безъименными. Этимъ предположеніемъ объясняются и другія особенности моего экземпляра.

Мы видѣли, что въ немъ нѣтъ объявленія о содержаніи журнала и объ условіяхъ подписки: оно необходимо было для публики, но для издателей и участниковъ журнала оно вовсе не нужно. Далѣе, мы видѣли, что на стр. 19-ой первой части въ немъ полностью напечатаны такія слова, которыя въ остальныхъ экземплярахъ замѣнены точками. Если мы обратимъ вниманіе на содержаніе той статьи, въ которой попадается такая, странная на первый взглядъ, особенность, то причина ея сдѣлается для насъ совершенно ясною. Въ статьѣ этой говорится о тѣхъ, существовавшихъ уже и тогда, *предпріимчивыхъ* людяхъ, которые, объявивъ подписку на новый журналъ, собирали съ подписчиковъ деньги, но ни журнала не выдавали, ни денегъ не возвращали. Ихъ-то и назвали издатели «Утреннихъ Часовъ» *обирохами* и *обманщиками*. Но это показалось имъ черезъ-чуръ грубымъ и оскорбительнымъ и они не рѣшились помѣстить эти

1) Т. е., какъ увидимъ далѣе, И. Р. (Ив. Рахманиновымъ), П. О. (Петромъ Озеровымъ?) и нѣкіимъ А. Н.

слова въ экземплярахъ, назначенныхъ для публики (о чемъ они сами и говорятъ на стр. 22-й I-ой части. Но въ экземплярахъ, назначенныхъ для себя, они эти слова сохранили.

Наконецъ, на совершенно частный, личный характеръ моего экземпляра указываютъ и двойныя подписи подъ нѣкоторыми статьями. Напр.: Издатели и С. П. О. (ч. 1-я, стр. 23); Добролюбовъ и онъ-же С. А. Н. (ч. 1-я, стр. 58); неизвѣстная особа и онъ же С. Т. И. (ч. 1-я, стр. 97 и 100); Феофрастъ Миролюбецъ и онъ-же С. П. О. (ч. 1-я, стр. 153); N. N. и онъ-же П. О. (ч. 1-я, стр. 202); N. N. и онъ-же Ал. Оз. (тамъ-же). Очевидно, вторыя подписи, дающія возможность угадать, хотябы по намеку, настоящихъ авторовъ, уничтожаютъ силу и значеніе первыхъ, назначенныхъ именно для того, чтобы скрыть настоящія фамиліи авторовъ. Слѣдовательно, одновременное помѣщеніе ихъ подъ статьями въ экземплярахъ, назначенныхъ для публики, не имѣло ни цѣли, ни смысла и объяснимо только тѣмъ, что это сдѣлано не для публики, а для себя.

Мнѣнію, что мой экземпляръ былъ не публичный, а назначенный только для редактора или для немногихъ главныхъ сотрудниковъ, противорѣчатъ только начальныя буквы имени и фамиліи бывшаго владѣльца моего экземпляра Р. О., которыя совсѣмъ не встрѣчаются ни въ спискѣ сотрудниковъ (приводимомъ мною далѣе), ни въ спискѣ подписчиковъ. Это даетъ поводъ думать, что мой экземпляръ принадлежалъ лицу постороннему и, слѣдовательно, такіе экземпляры пущены были въ продажу. Но, во-первыхъ, помѣщаемый далѣе списокъ сотрудниковъ могъ быть не совершенно полный; а, во-вторыхъ, могъ быть родственникъ, одного изъ издателей, напр. — Озерова, на фамилію котораго намекаетъ начальная буква фамиліи владѣльца — О, и журналъ могъ быть ему подаренъ. Наконецъ, возможно, что буквы Р. О. не русскія, а французскія и означаютъ Pierre Ozeroff. Тогда оказалось бы, что это — экземпляръ, принадлежавшій одному изъ главныхъ сотрудниковъ журнала.

И такъ, вѣроятнѣе всего, что мой экземпляръ принадлежалъ

или главному издателю журнала или одному изъ главныхъ его сотрудниковъ, что именно для нихъ онъ и былъ особо отпечатанъ [1]).

Кто-же они были? Вступительная статья въ первомъ номерѣ написана отъ имени нѣсколькихъ лицъ; въ ней постоянно говорится: *мы*, *издатели*. «Обращаясь теперь къ *нашему* намѣренію», читаемъ въ одномъ мѣстѣ этого вступленія, «*должны мы* сказать, что не иное что побудило *насъ сдѣлаться издателями* сихъ листковъ, какъ ощущеніе въ *душахъ нашихъ* той истины закона, что человѣкъ сотворенъ для пользы человѣка. Трудолюбіе, учинившись удѣломъ смертныхъ, благоразуміемъ и добродѣтелью управляемое, есть единый путь сего закона; праздность же бываетъ бѣдственною онаго преградою, производящею унынie, расточеніе ума и порокъ; лишая невозвратно безъ пользы провожденнаго времени, коего нѣтъ ничего драгоцѣннѣе. И такъ, для сбереженія сей драгоцѣнности и исполненія священнаго сего закона, *вознамѣрилися мы* остающееся *отъ должностей нашихъ* время съ пользою употребить и соразмѣрно силамъ своимъ служить обществу; къ чему удобнѣе всего казалося *намъ* еженедѣльное изданіе, дабы помѣщать въ ономъ слабыя произведенія *нашихъ* упражненій, которыя въ сихъ листахъ и посвящаемъ нынѣ любезнымъ нашимъ соотечественникамъ».

Заканчивается это вступленіе такими словами: «Наконецъ не уважая мнѣніями Кривотолковъ, Суетоновъ, Зоиловъ и имъ подобныхъ осуждателей, *приступаемъ мы* къ изданію сихъ листовъ; *не страшимся* краснорѣчиво-язвительныхъ языковъ таковыхъ порицателей и *посвящаемъ* труды свои всѣмъ тѣмъ, которые дѣлаютъ честь своему званію, бывъ вѣрными подданными, любезными своему отечеству, и покровителями страждущаго человѣчества».

---

1) Я счелъ необходимымъ остановиться подробно на вопросѣ о происхожденіи моего экземпляра потому, что это служитъ объясненіемъ, почему до сихъ поръ подобные экземпляры оставались неизвѣстными изслѣдователямъ нашей литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставались неизвѣстными и тѣ, несомнѣнно подлинныя, первыя басни Крылова, которыя помѣщены въ этомъ журналѣ.

Вступленіе это составляетъ все содержаніе первой недѣли.

Вторая недѣля начинается письмомъ г-жи С. . ., обращающейся къ *издателю* со словами: «Милостивый Государь мой!» Но редакція журнала тотчасъ-же въ выноскѣ дѣлаетъ оговорку: «*По видимому Госпожа С. . . . почитаетъ, что сіи листы издаются однимъ издателемъ*». И, чтобы опровергнуть такое мнѣніе, отвѣтъ г-жи С. . . . подписанъ: «*Покорные вамъ издатели*».

Ясно, что журналъ издавался не однимъ лицомъ, а цѣлымъ кружкомъ писателей. Изъ кого-же онъ состоялъ? Отвѣтъ на это находимъ въ слѣдующемъ спискѣ сотрудниковъ, составленномъ мною для первыхъ двухъ частей по моему экземпляру, а для третьей и четвертой — по экземпляру Публичной Библіотеки, и расположенномъ по количеству доставленныхъ каждымъ изъ нихъ статей:

П. И. Р. С. И. Р.	. . . . .	39 статей.
П. А. Н.	. . . . .	21 статья.
П. П. О. С. П. О.	. . . . .	12 статей.
С. И. Крыл. С. Ив. Крыл. И. Крыловъ.	. . . . .	4 статьи.
И. Д.	. . . . .	2 »
С. Т. И. С. Т. Иль.	. . . . .	2 »
Ал-ръ Лабзинъ	. . . .	1 статья.
Ал. Оз.	. . . . .	1 »
П. С. Д.	. . . . .	1 »
Н. Хлюстинъ	. . . . .	1 »
П. Бырдинъ.	. . . . .	1 »
Сем. Печ.	. . . . .	1 »
С. Л.	. . . . .	1 »
В. П. д. ш. в. л. въ.	. .	? [1]

1) Объ участіи въ журналѣ В. Подшивалова узнаемъ только изъ благодарственнаго обращенія къ нему издателей (ч. II, стр. 96). Но узнать, какія

Изъ этого списка ясно, что во главѣ изданія стояли первые трое: П. И. Р. (или С. И. Р.), П. А. Н. и П. П. О. (или С. П. О.).

Узнать скрытыя подъ этими буквами фамиліи можно, къ сожалѣнію, только отчасти, и то гадательно. Но прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, что въ псевдонимныхъ подписяхъ вышеприведеннаго списка сотрудниковъ первыя буквы постоянно повторяются: *П.* И. Р., *П.* А. Н., *П.* П. О., *П.* С. Д., *С.* И. Р., *С.* П. О., *С.* И. Крыл., *С.* Т. И., *С.* Т. Иль. При этомъ, тѣ статьи, подъ которыми стоятъ буквенныя подписи, начинающіяся буквою *П.*, оказываются переводными. Ясно, что эта буква *П* означаетъ: *перевелъ*; два раза она даже и замѣнена словомъ: *пер.* (см. ч. 1-я, стр. 95 и 96). А если то же лицо помѣщало статью не переводную, а оригинальную, то подпись начинается буквою *С*, которая, очевидно, значитъ: *сочинилъ*. Поэтому мы и встрѣчаемъ двоякія подписи: П. И. Р. и С. И. Р., П. П. О. и С. П. О. — Слѣдовательно, первую букву надо отбросить, авторовъ. тогда получатся настоящія имена сотрудниковъ: И. Р., А. Н., П. О., Т. И. и т. д.

И. Р., очевидно, Иванъ Герасимовичъ *Рахманиновъ*, которому, по количеству помѣщенныхъ въ журналѣ статей, принадлежала главная роль. Вѣрнѣе всего, что журналъ издавался, хотя и сообща, но преимущественно или, можетъ быть, временно, до окончательнаго разсчета, на его средства, почему онъ и выставилъ на немъ свой штемпель и считался хозяиномъ журнала. Державинъ прямо называлъ его издателемъ «Утреннихъ Часовъ» (С. Жихаревъ: Дневн. Чиновн. «Отеч. Зап.» 1855, № 7, стр. 133) [1]).

принадлежатъ ему статьи, нельзя: въ моемъ экземплярѣ нѣтъ на это никакихъ указаній въ подписяхъ, а въ экземплярѣ И. Публ. Библ. почти всѣ статьи безъ подписей.

1) Иванъ Герасимовичъ Рахманиновъ принадлежалъ къ дворянскому семейству, ведшему свой родъ отъ молдавскихъ господарей Драгошей, правившихъ Молдавіей 1350—1552 г. Одинъ изъ ихъ потомковъ, Василій Рахманинъ, при вел. кн. Іоаннѣ III вступилъ въ русскую службу и отъ него пошелъ русскій дворянскій родъ Рахманиновыхъ. Отецъ Ивана Герасимовича, Герасимъ Іевлевичъ, принималъ участіе въ переворотѣ, возведшемъ на престолъ Импе-

Кому принадлежатъ буквы А. Н., второго, по количеству статей, сотрудника «Утреннихъ Часовъ», рѣшить трудно, за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было указаній.

Подъ буквами П. О., по всей вѣроятности, надо разумѣть *Петра Озерова*. Ихъ было двое: Петръ Евграфовичъ и Петръ Петровичъ. Первый упоминается въ числѣ подписчиковъ «Утреннихъ Часовъ», съ титуломъ Его Высокородія; слѣдовательно это былъ человѣкъ уже солидный, въ чинахъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Второго находимъ въ «Росписи» Смирдина, какъ переводчика разныхъ книгъ съ нѣм. яз. (см. №№ 3079, 4705, 4725, 4745, 5307 и 8801).

Издатели «Утреннихъ Часовъ», за исключеніемъ И. Г. Рахманинова, все были люди молодые. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ тонъ и направленіе журнала, отзывавшагося юношескою идеалистичностью и отвлеченностью, такъ и разсказъ Крылова Жихареву: «Рахманиновъ былъ гораздо старѣе насъ, говорилъ Крыловъ, «и, однакожъ, мы были съ нимъ друзьями». (Дневн. Чин. Отеч. Зап. 1855, № 7, стр. 133).

ратрицу Елизавету Петровну, былъ лично ей извѣстенъ и это положило начало значительному его богатству. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Крапоткиной, отъ которой имѣлъ троихъ сыновей и двухъ дочерей. Изъ сыновей старшій, Иванъ Герасимовичъ, съ дѣтства имѣлъ склонность къ литературѣ и особенно увлекался, какъ и многіе въ то время, сочиненіями Вольтера и Энциклопедистовъ. Поступивъ на службу въ Конную Гвардію, онъ 1-го января 1782 г. былъ изъ вахмистровъ произведенъ въ корнеты, въ 1790 г. — въ ротмистры, а въ 1793 г., 1-го января, уволенъ изъ ротмистровъ къ статскимъ дѣламъ съ чиномъ бригадира. Съ этихъ поръ онъ поселился въ своемъ имѣніи, селѣ Казинкѣ, Козловск. уѣзд., Тамбовск. губ., гдѣ и умеръ (въ какомъ году—неизвѣстно) и погребенъ при тамошней церкви. — Сблизившись съ Рахманиновымъ во время журнальной своей дѣятельности, Крыловъ сохранилъ съ нимъ дружескія отношенія и впослѣдствіи и пріѣзжалъ къ нему въ Казинку.

Еще состоя на службѣ, Рахманиновъ выступилъ и на литературномъ поприщѣ, преимущественно какъ переводчикъ Вольтера. Во второй половинѣ 80-хъ годовъ онъ имѣлъ въ Петербургѣ свою типографію, въ которой печаталъ свои сочиненія и переводы. Переселившись въ Казинку, онъ перевелъ туда и свою типографію и продолжалъ печатать въ ней книги. Но тутъ онъ сдѣлался одной изъ жертвъ наступившей тогда въ настроеніи импер. Екатерины II реакціи. По доносу козловскаго городничаго Сердюкова о томъ, что

Если принять все это во вниманіе, то врядъ-ли можно будетъ допустить, что буквы П. О. относятся къ подписчику «Утреннихъ Часовъ» Петру Евграфовичу Озерову. Вѣрнѣе будетъ отнести ихъ къ Петру Петровичу Озерову, который, можетъ быть, былъ сыномъ Петра Евграфовича и сослуживцемъ Рахманинова по Конногвардейскому полку: по крайней мѣрѣ въ спискѣ офицеровъ этого полка встрѣчается *поручикъ Озеровъ*, бывшій въ караулѣ въ Ораніенбаумѣ 24 іюля 1790 г. (И. В. Анненковъ: Истор. Л.-Гв. Кон. п., III, 53).

Подъ буквами Т. И. и Т. Иль. скрывается, вѣроятно, *Терентій* Ильичъ *Ильинъ*, то же показанный въ моемъ экземплярѣ (ч. 1-я) въ числѣ подписчиковъ.

Подъ буквами Ал. Оз. можно разумѣть то же одного изъ подписчиковъ, *Александра* Иринарховича *Озерова* (въ 1-ой ч. моего экземпл. въ спискѣ подписчиковъ).

Подъ псевдонимомъ *Сем. Печ.* скрывался то же сотрудникъ журнала *Семенъ* Даниловичъ *Печеневъ* (см. 3 ч. въ экз. Публ. библ. спис. подписч.).

Рахманиновъ печатаетъ въ своей типографіи книги безъ всякаго дозволенія, типографія его была конфискована вмѣстѣ съ найденными и напечатанными въ ней книгами (въ количествѣ 5215 экземпл.), а самъ Рахманиновъ преданъ суду. Но онъ такъ настойчиво и искусно защищался, что дѣло затянулось. Тѣмъ временемъ типографія въ Казинкѣ, со всѣми, запечатанными въ ней книгами, сгорѣла (въ 1797 г); остальные же экземпляры Казинскихъ изданій, бывшіе у частныхъ лицъ, въ 1800 году повелѣно было собрать и «безъ изъятья» сжечь. Въ числѣ запечатанныхъ и уничтоженныхъ книгъ были и «Утренніе Часы». Въ Казинкѣ-же погибла и библіотека Рахманинова. Имѣніе это перешло впослѣдствіи въ другія руки, и позднѣйшая владѣтельница его разсказывала, что, при перестройкѣ, въ наглухо заложенныхъ подвалахъ нашли цѣлую массу полуистлѣвшихъ, покрытыхъ плѣсенью, книгъ, которыя мальчишки растащили на подтопку печей.

Но, лишившись своихъ печатныхъ изданій, Иванъ Герасимовичъ сохранилъ ихъ рукописи и впослѣдствіи задумалъ вновь ихъ напечатать, для чего заключилъ (6-го ноября 1801 г.) условіе съ московскими купцами Акоховымъ и Козыревымъ. По этому условію онъ предоставлялъ названнымъ купцамъ «привиллегію... печатать на ихъ коштъ *принадлежащіе* ему оригиналы нѣкоторыхъ въ томъ условіи означенныхъ книгъ». Въ числѣ этихъ книгъ поименованы были, кромѣ переводовъ Рахманинова, также «*Утренніе Часы*» и «*Почта Духовъ*». Но купцы напечатали только «Почту Духовъ» и 3 части со-

Подъ буквами И. Д. (въ VI-й ч. экз. Публ. библ.) помѣщены стихотворенія И. И. Дмитріева, къ сожалѣнію, не вошедшія въ собранія его сочиненій.

Можетъ быть къ числу сотрудниковъ надо причислить и *А. Н. Радищева*. Хотя ни одна изъ буквенныхъ подписей не подходитъ къ нему, но онъ показанъ (въ моемъ экземплярѣ, ч. 1-я) въ числѣ подписчиковъ. А мы видѣли, что нѣкоторые подписчики были, въ то же время, и сотрудниками. Предположеніе это кажется мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что существуетъ мнѣніе объ участіи его въ «Почтѣ Духовъ», первая книжка которой вышла въ концѣ января 1789 г., когда еще продолжалось изданіе «Утреннихъ Часовъ».

Наконецъ, къ сотрудникамъ «Утреннихъ Часовъ» должно причислить и *И. А. Крылова*, тоже показаннаго въ числѣ подписчиковъ (въ 3-й ч. экземпл. Публ. библ.). Кромѣ помѣщенной въ IV-й ч. оды «Утро» (стр. 136—141), подписанной полнымъ его именемъ: *И. Крыловъ*, ему, несомнѣнно принадлежатъ *три басни*, помѣщенныя въ первыхъ двухъ частяхъ и подписанныя (въ моемъ экземплярѣ) буквами: *С. И. Крыл.* и *С. Ив. Крыл.*

чиненій Вольтера; остальныя же, перечисленныя въ условіи, книги остались ненапечатанными, и Рахманиновъ, выданной имъ въ 1802 году довѣренностью, уполномочивалъ губ. секр. Осипова или потребовать отъ Акохова и Козырева исполненія условія, или поискать другихъ издателей.

Такъ какъ въ числѣ проданныхъ Рахманиновымъ рукописей названы, какъ его собственность, рукописи «Утреннихъ Часовъ» и «Почты Духовъ», то это можетъ дать поводъ думать, что онъ былъ *единственнымъ* издателемъ и собственникомъ этихъ журналовъ. Но тогда не понятно, зачѣмъ въ «Утреннихъ Часахъ» говорится объ «издателяхъ», а не объ одномъ издателѣ? Поэтому, вѣрнѣе всего предположить, что журналъ издавался дѣйствительно нѣсколькими лицами, но, по его прекращеніи, при денежномъ разсчетѣ между издателями, дѣло могло кончиться тѣмъ, что Рахманиновъ, болѣе другихъ потратившійся на журналъ, потребовалъ, въ вознагражденіе оказавшагося убытка, чтобы ему оставили въ собственность рукописи статей, для вторичнаго изданія, которое могло-бы возмѣстить убытокъ. Это второе изданіе, можетъ быть, и вышло-бы изъ Казинской типографіи, если бы не постигшая ее катастрофа. Тоже самое было, вѣроятно, и съ «Почтой Духовъ», настоящимъ собственникомъ которой оказался, въ концѣ концовъ, Рахманиновъ, а не Крыловъ, совсѣмъ не причастный, какъ оказывается, второму ея изданію.

Это послѣднее значитъ: *Сочинилъ Иванъ Крыловъ*, точно также, какъ С. Т. И. и С. Т. Иль. значитъ: сочинилъ Терентій Ильинъ; П. И. Р.— перевелъ Иванъ Рахманиновъ.

Выписываемъ здѣсь эти басни, которыя оказываются *несомнѣнно первыми*, извѣстными намъ, баснями Крылова.

Стыдливой игрокъ.

(«Утрен. Час.», ч. 1-я, недѣля V-я, маія 18 дня, 1788 года, стр. 79—80).

Случилось нѣкогда мнѣ быть въ шумливомъ мірѣ;
Сказать яснѣй, мнѣ быть случилося въ трактирѣ;
Хотя немного тамъ увидѣть льзя добра,
Однакожъ тутъ велась изрядная игра.
Изъ всѣхъ другихъ по удалѣе,
Одинъ былъ рослой удалецъ,
Безпутства былъ онъ образецъ
И карты ставилъ онъ и гнулъ смѣлѣе;
И вдругъ
Спустилъ всѣ деньги съ рукъ.

Эти свѣдѣнія о жизни и литературныхъ трудахъ И. Г. Рахманинова почерпнуты изъ слѣдующихъ изданій:

1. Историч. свѣд. о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ. Кіевъ, 1895. (Изд. не для продажи). Предисловіе подписано Н. Василенкомъ, а книга написана братьями Ив. Ив. (профес. Кіев. Унив.) и Θед. Ив. Рахманиновыми, при участіи И. Θ. Токмакова.

2. И. В. Аненковъ. Исторія Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка. Спб. 1849 г., ч. IV, стр. 88.

3. Извѣстія Тамбовской ученой архивной Комиссіи. Вып. XVIII, стр 86—90.

4. Дубасовъ. Типографія Рахманинова въ селѣ Казинкѣ, Козл. у., Тамб. губ. (Древн. и Нов. Рос. 1878, № 3, стр. 278—279).

5. Энциклопед. слов. Ефрона, т. XXVI, стр. 381.

6. С. Жихаревъ: «Дневникъ Чиновника». Отеч. Зап. 1855, № 7, стр. 132—133.

7. П. Бартеневъ: «Замѣтка о сельскихъ типографіяхъ въ Россіи. Библ. Зап. 1858, столб. 279—283 (съ перечнемъ, но не полнымъ, переводовъ и изданій Рахманинова по «Росписи» Смирдина).

Спустилъ, а на кредитъ никто ему не вѣритъ,
Хоть кажется въ божбѣ Герой не лицемѣритъ [1]).
Озлился мой болванъ,
И карту съ транспортомъ поставилъ на кафтанъ.
Гляжу чрезъ часъ, Герой остался мой въ камзолѣ,
Какъ пень на чистомъ полѣ;
Тогда къ нему пришелъ
Отъ батюшки посолъ,
И говоритъ: отецъ совсѣмъ твой умираетъ,
Съ тобой проститься онъ желаетъ,
И приказалъ къ себѣ просить.
Скажи ему, сказалъ мой Фаля,
Что здѣсь бубновая сразила меня краля;
Такъ онъ ко мнѣ самъ можетъ быть.
Ему сюда придти ни мало не обидно;
А мнѣ по улицѣ идти безъ сапоговъ,
Безъ платья, кляпы и чулковъ,
Ужасно стыдно.

С. И. Крыл.

Судьба игроковъ.

(«Утрен. Часы», ч. II-я, недѣля XVIII, августъ 17 дня, 1788 года, стр. 80).

Вчерась пріятеля въ каретѣ видѣлъ я;
Бѣднякъ пріятель мой, я очень удивился,
Чѣмъ столько онъ разжился?
А онъ повѣдалъ мнѣ всю правду, не тая,
Что картами себѣ имѣнье онъ доставилъ,
И выше всѣхъ наукъ игру картежну ставилъ.
Сегодня же пѣшкомъ попался мнѣ мой другъ.
Конечно, я сказалъ, спустилъ ужъ все ты съ рукъ?
А онъ, какъ философъ, гласилъ въ своемъ отвѣтѣ:
Ты знаешь, колесомъ вертится все на свѣтѣ.

С. Ив. Крыл.

---

1) Ср. у Сумарокова въ баснѣ «Двѣ дочери подъячихъ»:

«Читатель этому конечно *не повѣритъ*,
И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ *лицемѣритъ*».

Павлинъ и Соловей.

(«Утрен. Час.», ч. II-я, недѣля XXIV, сентября 28 дня, 1788 года, стр. 174—176).

Невѣжда въ физикѣ, а въ музыкѣ знатокъ,
Услышалъ соловья, поющаго на вѣткѣ,
И хочется ему имѣть такаго въ клѣткѣ.
Пріѣхавъ въ городокъ
Онъ говоритъ: хотя я птицы той не знаю
И не видалъ,
Которой пѣніемъ я мысли восхищалъ,
Которую имѣть я столь желаю;
Но въ птичьемъ здѣсь ряду
Конечно много птицъ найду.
Наполнясь мыслію такою.
Чтобъ выбрать птицъ на взглядъ,
Пришелъ бояринъ мой во птичій рядъ,
Съ набитымъ кошелькомъ, съ пустою головою.
Павлина видитъ онъ, и видитъ соловья,
И говоритъ купцу: не ошибаюсь я,
Вотъ мной желанная прелестная пѣвица!
Нарядной бывши толь, нельзя ей худо пѣть;
Купецъ, мой другъ! скажи, что стоитъ эта птица?
Купецъ ему въ отвѣтъ:
Отъ птицы сей, сударь, хорошихъ пѣсней нѣтъ;
Возьмите соловья, сѣдяща близъ павлина,
Когда вамъ надобно хорошаго пѣвца.
Не мало то дивитъ невѣжду Господина,
И быть бояся онъ обманутъ отъ купца,
Прекрасна соловья негодной птицей числитъ,
И мыслитъ:
Та птица перьями и тѣломъ такъ мала,
Не можно, чтобъ она пѣвицею была.
Купивъ павлина, онъ покупкой веселится,
И мыслитъ пѣніемъ павлина насладиться.
Летитъ домой,

И гостьѣ сей отвелъ рѣшетчатой покой;
А гостейка ему за выборы въ награду,
Пропѣла кошкою разовъ десятокъ сряду,
Мяуканьемъ своимъ невѣждѣ давши знать,
Что глупо голоса по перьямъ выбирать.
Подобно, какъ и сей бояринъ заключая,
Различность разумовъ пристрастно различая,
Не рѣдко жалуемъ того мы въ дураки,
Кто платьемъ небогатъ, не пышенъ волосами;
Кто не обнизанъ вкругъ перстнями и часами,
И злата у кого не полны сундуки.

С. И. Крыл.

Подъ всѣми этими баснями подписано С., т. е. *сочинилъ*, слѣдовательно всѣ онѣ — оригинальныя, а не переводныя. Только для послѣдней изъ нихъ мы находимъ прозаическій прототипъ въ тѣхъ-же «Утреннихъ Часахъ» (ч. II-я, недѣля XV, іюля 27, 1788 г., стр. 20—23), гдѣ помѣщенъ прозаическій переводъ басни подъ тѣмъ-же заглавіемъ, сдѣланный нѣкіимъ С. Д. изъ De tout un peu. Для сравненія, приводимъ этотъ прозаическій переводъ, чтобы видѣть, какъ обработывалъ Крыловъ уже тогда заимствованныя басенныя темы.

Павлинъ и Соловей.

«Въ одинъ день Павлинъ и Соловей спорили между собою о своихъ достоинствахъ. «Златовидныя мои перья, говорилъ надменный павлинъ, превосходятъ пестроту всѣхъ прекрасныхъ цвѣтовъ и малымъ тѣмъ не ровняются блеску самаго солнца. Когда я хочу показать всю красоту и всю мою пышность, тогда прельщенный глазъ съ удовольствіемъ останавливается для обозрѣнія моего хвоста, подобнаго опахалу; а тебя, бѣдненькую птичку, едва можно различить отъ земли, у коей ты заемлешь печальный свой цвѣтъ. — Это правда, отвѣтствовалъ ему соловей, что мой станъ и перья мало заслуживаютъ вниманія; но напротивъ того плѣняющій мой голосъ, коимъ природа меня одарила, награждаетъ тотъ недостатокъ блеска, которымъ гордость

твоя тщеславится. Въ то время, когда я начинаю неподражаемыя мои пѣсни, все утихаетъ въ рощахъ. Путешественникъ останавливается, слушаетъ со вниманіемъ и восхищается. Несчастные любовники утѣшаемы бываютъ сладостію и согласіемъ нѣжныхъ моихъ пѣсенъ, и человѣкъ часто, оставя санъ свой, приходитъ удивляться сладостному моему пѣнію.

«Едва онъ сіе окончилъ, какъ вдругъ попадаются они оба въ сѣть присматривавшаго за ними охотника. Они ожидаютъ въ страхѣ жестокаго приговора на свою судьбу, и павлинъ надѣется получить свободу, по причинѣ красоты своихъ перьевъ, выхваляя ихъ предъ птицеловомъ. «Это-то самое, говоритъ ему птицеловъ, и заставляетъ меня тебя удержать; ибо я вижу, что твои перья могутъ служить для украшенія моихъ дѣтей; но съ тобою, возлюбленный пѣвецъ, поступлю я совсѣмъ иначе, сказалъ онъ соловью; я возвращу тебѣ свободу для прелестнаго твоего пѣнія.

«Изъ сей басни должны мы заключать, что богатство не рѣдко подвергаетъ опасности жизнь нашу, но дарованій нашихъ ничто не можетъ у насъ похитить; и что сіи самыя дарованія поставляютъ насъ наравнѣ съ знатнымъ происхожденіемъ и высокимъ саномъ, когда человѣкъ кромѣ оныхъ ничего подпорою своею не имѣетъ. П. С. Д. изъ De tout un peu».

Къ сожалѣнію, мой экземпляръ «Утреннихъ Часовъ» состоитъ, какъ я уже сказалъ, всего изъ двухъ первыхъ частей. Поэтому, у насъ нѣтъ способа подтвердить догадку Л. Н. Майкова о принадлежности Крылову еще трехъ басенъ, напечатанныхъ въ 3 и 4 гоахъ «Утреннихъ Часовъ», такъ какъ въ экземплярѣ И. Публ. Библіотеки, которымъ онъ пользовался, подписей нѣтъ. Только одна изъ нихъ, «Недовольный гостьми стихотворецъ» съ полною несомнѣнностью можетъ быть приписана Крылову, ибо въ статьѣ Л. Н. Майкова доказано, что Крыловъ подъ именемъ героя этой басни Риѳмохвата осмѣивалъ Княжнина. Сверхъ того, басня эта, только подъ измѣненнымъ заглавіемъ: «*Не во время гости*» и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ помѣщена въ журналѣ Крылова «Зритель» 1792 г., стр. 111.

И такъ, несомнѣнно, что *въ «Утреннихъ Часахъ» 1788—1789 гг. помѣщено четыре подлинныхъ басни Крылова.* А если прибавить къ нимъ еще двѣ изъ помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ басенъ, которыя, по весьма вѣроятному предположенію Л. Н. Майкова, тоже могутъ быть признаны за Крыловскія, то окажется шесть оригинальныхъ басенъ Крылова, написанныхъ имъ въ 1788—1789 гг., т. е. на 17—18 лѣтъ раньше, чѣмъ обыкновенно считаютъ появленіе его первыхъ басенъ.

Сверхъ того, во II-й ч. «Утреннихъ Часовъ» встрѣчается тема, развитая впослѣдствіи Крыловымъ въ особой баснѣ. На стр. 111—112 помѣщены «Избранныя мысли». Послѣдняя изъ нихъ изложена такъ: «Глупцы дѣлаютъ шумъ въ свѣтѣ, подобный стуку пустой кареты, скачущей во весь опоръ по улицамъ». Черезъ тридцать лѣтъ, въ 1819 г., въ изданіи басенъ Крылова, ч. VI, стр. 67, появляется басня «Двѣ бочки», представляющая развитіе этой мысли.

Но, по всей вѣроятности, и это еще не первыя басни Крылова. Можно предполагать, что еще за два года до «Утреннихъ Часовъ» уже появилась въ печати одна басня Крылова.

Съ 1-го іюля 1786 по 1-е іюля 1787 издавался въ Петербургѣ Θед. Осип. Туманскимъ еженедѣльный журналъ: *«Лѣкарство отъ скуки и заботъ»*. Цѣль его была таже, что и у издателей «Утреннихъ Часовъ» — насажденіе въ обществѣ добродѣтели. Въ предисловіи говорится:

«Есть много свободнаго времени, въ которое скукою томимы ищемъ упражненія; на что-же праздныя минуты съ лучшею пользою употребить можно, какъ на чтеніе, которое обыкновеннымъ своимъ предметомъ имѣть должно утвержденіе добродѣтели и распространеніе полезныхъ знаній. Такова есть цѣль предлагаемаго нынѣ почтенной публикѣ еженедѣльнаго изданія, подъ заглавіемъ *Лѣкарство отъ скуки и заботъ*».

Но должно замѣтить, что исполненіе не всегда соотвѣтствовало намѣренію или, по крайней мѣрѣ, добродѣтель понималась издателями очень своеобразно.

Напр., въ стихотвореніи: «*Дружеское наставленіе торгующимъ своею красотою, отъ соблазнующихъ о ихъ неумѣніи*» (стр. 133—136) дается имъ такой совѣтъ:

«Коль суждено, чтобъ вся была жизнь ваша шалость,
Коль цѣломудріе считаете за малость,
Шалите, только лишь шалите вы съ умомъ:
Себя вы почитая,
Умѣйте, уловляя,
Зло само окончать добромъ»,

т. е., наживая развратомъ деньги, употреблять ихъ на дѣла благотворительности, по примѣру древнихъ Аспазій и Лаисъ и парижскихъ сиренъ:

«Скрывая свой порокъ, ихъ добрая душа
Въ раскаяніи тужитъ
И свѣту пользой служитъ
Благотвореніемъ дыша».

Въ этомъ-то журналѣ помѣщена эпиграмма къ N...., подписанная: *И. Кр.*,— подпись означающая несомнѣнно *И. Крылова*. Такъ какъ эта эпиграмма не помѣщена ни въ одномъ изданіи полнаго собранія сочиненій Крылова, то выписываемъ ее здѣсь:

«Ты здравымъ хвалишься умомъ вездѣ безстыдно,
Но здраваго ума въ дѣлахъ твоихъ не видно
Или безпутно ты являешься надменъ,
Или не кстати подлъ и слишкомъ униженъ.
На свѣтѣ рѣдкія ты вещи презираешь.
Тогда, какъ къ мелочнымъ почтителенъ бываешь.
Ты любишь вредное, отъ здраваго бѣжишь,
Въ надеждѣ ты пустой лѣта свои влачишь;
Или уныніе томитъ тебя напрасно,
Или на свѣтѣ семъ все кажется опасно;
Не ужасаешься зловредныхъ лишь вещей.
Послушай ты меня, послѣдуй мысли сей,
Что настоящее съ прошедшимъ съединится
И будущее впредь, какъ бывшее явится.

Ты блага твердаго не твердо лучшимъ чтишь,
Не вещію себя, ничтожествомъ манишь».

(«Лѣкарство отъ скуки и заботъ», 1786, № 26, Среда, дек. 23, стр. 268—269).

Это несомнѣнное сотрудничество Крылова въ названномъ журналѣ, о которомъ впервые упомянулъ кн. П. А. Вяземскій въ своей неоконченной статьѣ «О смерти И. А. Крылова» (см. Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Им. Ак. Наукъ, т. XX (1880), стр. 104), даетъ поводъ предположить, не ему-ли принадлежитъ напечатанная въ немъ (въ № 11, Среда, сент. 9, стр.143—145) и приводимая здѣсь басня: «*Пустынникъ и Орелъ?*».

«Всего беречься и страшиться
Есть средство на всегда спокойствія лишиться.
Однако былъ такой на свѣтѣ человѣкъ,
Который въ трусости провелъ свой вѣкъ.
Изъ дому своего несмѣлъ ступитъ ногою,
Боясь постигнутъ быть нечаянной бѣдою.
Людей
Онъ бѣгалъ, какъ звѣрей,
Они ему злодѣями мечтались,
Которы духъ его исторгнуть покушались;
А чтобъ отъ рукъ себя убійцевъ сохранить,
Весь зеркалами домъ внутри велѣлъ обить.
Теперь ужели онъ спокойствіе вкушаетъ?
Нѣтъ: домъ его ему паденьемъ угрожаетъ.
Быть можетъ, мыслитъ онъ, что своды упадутъ,
Иль вихри сильные все зданье потрясутъ,
Тогда какими я могу спастись судьбами,
Лежа подъ тяжкими раздавленный стѣнами?
Нѣтъ, нѣтъ, оставлю я городъ и людей,
Въ пустыню удалюсь, гдѣ-бъ не было звѣрей;
Въ долинахъ живучи, тамъ нечего бояться;
Не буду тамъ враговъ и зданій ужасаться.
Намѣренья сего мой трусъ не премѣнилъ,
И на лугахъ спокойно жилъ.

Но тамъ-то мы несчастье и встрѣчаемъ,
Гдѣ онаго не чаемъ.
Со черепахою межъ облаковъ Орелъ
Надъ головой его плѣшивою летѣлъ,
Которую сочтя за камень твердый
Орелъ немилосердый
Свою добычу опустилъ
И трусу голову добычей проломилъ.
Какъ ни живи на свѣтѣ осторожно,
Но ежели чего избѣгнуть невозможно,
Того не избѣжишь нигдѣ,
Ни въ полѣ, ни въ землѣ, ни въ дебряхъ, ни въ водѣ».

Басня эта напечатана безъ подписи и ничто не указываетъ на принадлежность ея Крылову. Даже напротивъ: ни по слогу, ни по содержанію она ничѣмъ не напоминаетъ его позднѣйшихъ басенъ. Но между первоначальными, полудѣтскими баснями Крылова и его позднѣйшими, вполнѣ художественными баснями и не можетъ быть замѣтнаго сходства. Начиная въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія свою баснописную дѣятельность, Крыловъ, очевидно, находился подъ вліяніемъ главнаго баснописца, Сумарокова. Мы видѣли, что онъ заимствовалъ у него даже риѳмы и выраженія (въ баснѣ «Стыдливый игрокъ»). Но вліяніе Сумарокова выразилось не въ одномъ этомъ. Самый характеръ тогдашнихъ басенъ Крылова былъ характеръ вполнѣ Сумароковскій: та-же субъективность и грубость изображенія, мелочность и не характерная случайность изобличаемыхъ явленій, даже тотъ-же складъ стиха [1]). Доказательствомъ этого служатъ тѣ, несомнѣнно Крыловскія басни, которыя напечаатны были въ «Утреннихъ Часахъ» 1788 г. и которыя тоже мало походятъ на его позднѣйшія басни.

---

1) Въ статьѣ Я. К. Грота: «Литерат. жизнь Крылова» уже было указано вліяніе на Крылова его предшественниковъ Ломоносова и Державина (см. Зап. Ак. Н., т. XIV, стр. 12—13). Теперь обнаруживается еще болѣе тѣсная связь нашего баснописца съ главнѣйшими представителями литературы XVIII в., именно: литературная зависимость его отъ Сумарокова.

Но все-таки это пока только слабо обоснованное предположеніе. Несомнѣннымъ-же остается то, что, благодаря счастливой находкѣ такого особеннаго экземпляра «Утреннихъ Часовъ», какъ описанный мною, надо отказаться отъ обычнаго мнѣнія, будто Крыловъ началъ писать басни только съ 1806-го года. Оказывается, что басня была однимъ изъ первыхъ, еще юношескихъ его произведеній, ибо помѣщенныя въ «Утреннихъ Часахъ» басни написаны имъ на 21-мъ году его жизни. А если признать напечатанную въ «Лѣкарствѣ отъ скуки и заботъ» басню тоже за Крыловскую, то придется отнести начало его баснописной дѣятельности къ еще болѣе раннему времени, къ сентябрю 1786 года.

Но и этимъ еще не исчерпывается вопросъ о первоначальныхъ басняхъ Крылова. Извѣстно, что еще до прекращенія «Утреннихъ Часовъ» (въ апрѣлѣ 1789 г.), съ января 1789 г. Крыловъ сталъ издавать «Почту Духовъ», въ которой хотя и нѣтъ ни одной стихотворной его басни, но, какъ мы видѣли, встрѣчаются въ статьяхъ Крылова басенные пріемы, и даже цѣлые иносказательные разсказы, на что было уже обращено вниманіе изслѣдователей.

Съ февраля 1792 г. сталъ выходить журналъ Крылова «*Зритель*», направленіе котораго такъ объяснено во введеніи:

«Право писателя представлять порокъ во всей его гнусности, дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе; а добродѣтель во всей ея красотѣ, дабы плѣнить ею читателя; симъ правомъ вознамѣрился пользоваться «Зритель».— Журналъ этотъ, какъ и остальные Крыловскіе журналы, издавался не имъ однимъ. На это мы встрѣчаемъ намекъ въ началѣ введенія: «Одинъ или многіе будутъ издавать Зрителя, о томъ, кажется, нѣтъ нужды увѣдомлять благосклоннаго читателя».

Въ этомъ журналѣ, какъ мы видѣли, была помѣщена одна басня Крылова, хотя и написанная имъ раньше, но для «Зрителя» передѣланная. Слѣдовательно, онъ и въ 1792 году не переставалъ заниматься баснями.

Такимъ образомъ, оказывается:

1. Что первыя напечатанныя басни Крылова относятся не къ 1806-му, а къ 1788-му, и даже, можетъ быть, къ 1786-му году [1]).

2. Что Крыловъ, еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, въ теченіи шести лѣтъ (1786 — 1792) не переставалъ писать басни и пользоваться басеннымъ пріемомъ иносказанія.

3. Что въ раннемъ періодѣ своей баснописной дѣятельности Крыловъ находился подъ вліяніемъ Сумарокова, баснямъ котораго подражалъ и въ слогѣ и въ тонѣ.

Вотъ почему и приходится отвергнуть установившееся у насъ мнѣніе, будто только Дмитріеву мы обязаны тѣмъ, что Крыловъ сталъ писать басни. Теперь намъ понятна и та борьба въ душѣ Крылова, о которой разсказываетъ Плетневъ, сообщая, что, подъ вліяніемъ совѣтовъ Дмитріева, Крыловъ «преодолѣлъ отвращеніе» къ баснѣ, явившееся у него подъ вліяніемъ увлеченія драматической дѣятельностью. Можетъ быть, слово «отвращеніе» слишкомъ сильно и не точно характеризуетъ отношеніе Крылова къ тому виду творчества, который потомъ такъ прославилъ его. Но несомнѣнно, что, начавъ свою литературную дѣятельность баснями, онъ вскорѣ ихъ бросилъ и около двадцати лѣтъ за нихъ не принимался.— Весьма возможно, что, какъ истинный, но еще не вполнѣ развившійся, художникъ, онъ *чувствовалъ* искусственность слога, фальшивый тонъ и нехудожественность изображенія въ принятыхъ имъ за образецъ басняхъ Сумарокова, а выработать себѣ простой, естественный слогъ, вѣрный тонъ и достигнуть той неподражаемой художественности, которою такъ отличаются его басни, онъ еще не

---

1) Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, первыя басни Крылова появились въ печати *ранѣе* первыхъ басенъ И. И. Дмитріева. Послѣдній началъ свое поприще баснописца баснею «Картина», написанной въ 1790 г. и напечатанной въ 1792 г. въ «Московскомъ Журналѣ» Карамзина.— (Соч. И. И. Дм—ва, изд. Я. Соколова, 1895, подъ ред. А. А. Флоридова, т. I, стр. 3).

могъ. Получился неустранимый пока разладъ между безотчетнымъ художественнымъ стремленіемъ и слабымъ исполненіемъ, что̀ и *отвратило* его на время отъ басни.

Но того, что естественно, преодолѣть невозможно. И Крыловъ, не желавшій писать басенъ, безпрестанно прибѣгаетъ въ своей литературной дѣятельности къ пріемамъ баснописца, — притчѣ, иносказанію, что̀ и было вѣрно подмѣчено его біографами и критиками. Дѣлается намъ теперь понятною также и роль Оленина въ литературной дѣятельности Крылова. Зная, по дружеской близости къ нему, о первоначальныхъ опытахъ Крылова въ баснѣ, но видя, что онъ увлекается не тѣмъ родомъ литературы, который всего болѣе былъ ему сроденъ, Олениnъ и сталъ, послѣ удачнаго *возобновленія* Крыловымъ баснописной дѣятельности въ 1806 году, убѣждать его не покидать этого прирожденнаго ему рода поэзіи, а, наоборотъ, отказаться навсегда отъ мало соотвѣтствовавшей его личнымъ свойствамъ и его таланту дѣятельности драматурга.

Что-же касается до вопроса о вліяніи Дмитріева на литературныя занятія Крылова, то, послѣ того, какъ обнаружилось съ полной несомнѣнностью, что принесенныя Крыловымъ Дмитріеву переводныя басни не были первыми опытами его въ этомъ родѣ, вопросъ дѣлается яснымъ. Крыловъ *не могъ* являться къ Дмитріеву за совѣтомъ и прибѣгать къ его литературному суду, ибо осмнадцать лѣтъ тому назадъ его басни, оригинальныя, были уже напечатаны, и даже ранѣе басенъ самого Дмитріева. Какія-же могли быть у него сомнѣнія на этотъ счетъ? Правда многіе думаютъ, что онъ являлся къ Дмитріеву именно съ баснями просто для того, чтобы завязать съ нимъ знакомство. Но мы видѣли, что никакого знакомства между ними не было; даже нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о существованіи какихъ бы то ни было сношеній между ними. А если мы обратимъ вниманіе, что оба они одновременно участвовали въ «Утреннихъ Часахъ», то, можетъ быть, и въ *поводъ* къ знакомству никакой нужды не было. Отсюда, какъ мнѣ думается, вытекаетъ

одинъ только выводъ, тотъ самый, на который мы уже указывали раньше: Крыловъ обратился къ Дмитріеву не для того, чтобы отдать ему на судъ свои басни, и не для того, чтобы завязать съ нимъ знакомство, а затѣмъ, чтобы при его посредствѣ помѣстить эти басни въ какомъ-нибудь изданіи, что ему и удалось.

Такъ, благодаря счастливой случайности, разрушается безъ остатка басня о басняхъ Крылова.

Ѳ. Витбергъ.

25 іюля 1899 г.